

Материалы секции
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

22-27 апреля 2018
НОВОСИБИРСК

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МНСК-2018

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Материалы
56-й Международной научной студенческой конференции

22–27 апреля 2018 г.

Новосибирск
2018

УДК 320
ББК 80я431
В 78

Научный руководитель секции — д-р ист. наук, проф. В. Н. Пластун

Председатель секции — д-р ист. наук, проф., зав. каф. востоковедения
ГИ НГУ Е. Э. Войтишек

Ответственный секретарь секции — А. Г. Трушкин

Экспертный совет секции:

канд. ист. наук, проф. С. А. Комиссаров
канд. ист. наук, доцент А. В. Варёнов
канд. филол. наук, доцент Н. В. Кутафьева
канд. филол. наук, доцент Е. Е. Малинина
канд. ист. наук, доцент Е. Л. Фролова
канд. филос. наук, доцент В. И. Ожогин
канд. ист. наук, доцент А. С. Шмакова

В 78 Востоковедение : Материалы 56-й Междунар. науч. студ. конф.
22–27 апреля 2018 г. / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : ИПЦ НГУ,
2018. — 110 с.

ISBN 978-5-4437-0759-4

УДК 320
ББК 80я431

ISBN 978-5-4437-0759-4

© СО РАН, 2018
© Новосибирский государственный
университет, 2018

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSC-2018

ORIENTAL STUDIES

Proceedings
of the 56th International Students Scientific Conference

April, 22–27, 2018

Novosibirsk
2018

УДК 63
ББК 40я431
В 78

Section scientific supervisor — Dr. Hist., Prof. V. N. Plastun

Section head — Dr. Hist., Prof. Ye. E. Voitishk

Section responsible secretary — A. G. Trushkin

Section scientific committee:

Cand. Hist., Prof. S. A. Komissarov

Cand. Hist., Assoc. Prof. A. V. Varenov

Cand. Philol., Assoc. Prof. N. V. Kutafyeva

Cand. Philol., Assoc. Prof. E. E. Malinina

Cand. Hist., Assoc. Prof. E. L. Frolova

Cand. Hist., Assoc. Prof. V. I. Ozhogin

Cand. Hist., Assoc. Prof. A. S. Shmakova

В 78 Oriental Studies : Proceedings of the 56th International Students Scientific Conference. April, 22–27, 2018 / Novosibirsk State University. — Novosibirsk : IPC NSU, 2018. — 110 p.

ISBN 978-5-4437-0769-3

УДК 320
ББК 80я431

ISBN 978-5-4437-0769-3

© SB RAS, 2018

© Novosibirsk State University, 2018

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

УДК 94+930

Представления японцев о Второй мировой войне и роли Советского Союза в ней

М. В. Болгар

Новосибирский государственный университет

Проблемы в дипломатии между Россией и Японией тянутся с середины XX в., когда после окончания Второй мировой войны стороны не заключили мирный договор. Его отказался подписать министр иностранных дел СССР А. А. Громыко ввиду неопределённости по поводу принадлежности группы островов между Сахалином и Хоккайдо.

На сегодняшний день этот вопрос более известен как Курильский территориальный спор. И Россия, и Япония претендуют на острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, и страны не могут прийти к консенсусу в этом вопросе уже более полувека.

Японская позиция по этому поводу очевидна — имея территорию в четыре крупных и несколько мелких островов, японское правительство не желает отказываться от потенциального расширения площади страны. Кроме того, на протяжении многих лет до Второй мировой войны эти острова принадлежали Японии.

Российская же позиция более сложна: с объективной точки зрения, потенциал этих островов не используется, ведь на них практически нет гражданского населения. Единственное, что привлекает внимание — месторождения рения, дорогого и редкого металла, сосредоточенные на острове Итуруп. В остальном же, пожалуй, данный спор — дело принципа.

Таково положение дел в вопросе российско-японских отношений при поверхностном рассмотрении темы. Причина — чистая формальность и нежелание уступать, последствия — неразвитые дипломатические отношения, трудный визовый режим и неиспользование потенциала союза между странами. Однако, если изучить проблему глубже, можно найти значимую веху, которая опирается на субъективность истории как науки.

В российских учебниках по истории в рамках Второй мировой войны обычно наиболее подробно рассматривается Великая Отечественная война: нацистская Германия, создав союз с Италией и Японией, а также проведя технологический рывок в плане вооружения, в короткое время смогла поработить всю Европу, и только СССР смог оказать сопротивление.

Каждый гражданин России знает, что советский солдат совершил беспримерный подвиг, оказав сопротивление нацистам. Большинство исто-

риков сходятся во мнении, что на момент начала войны Советский Союз абсолютно не был готов к ней. Сделавшая технический рывок Германия во много раз превосходила СССР по части вооружения. До тех пор, пока СССР не догнал Германию в технологическом отношении, все сражения приходилось выигрывать за счёт самоотверженного героизма.

После победы над Германией СССР был вынужден начать кампанию против Японии, чтобы поддержать союзников и наконец закончить националистическую войну. В августе 1945 г. Советский Союз обратился к японскому правительству с требованием о капитуляции, и после отказа СССР выступил против Квантунской армии.

В японских же учебниках о войне в Европе говорится очень мало, внимание сосредоточено на Тихоокеанской войне. По ходу этой войны японцы, не разделяя фашистскую идеологию А. Гитлера, стремились добиться влияния в Азии, ослабив позиции европейцев и американцев. О том огромном вкладе, что внесла Красная армия в победу над Германией, вовсе ничего не говорится. Более того, августовская кампания СССР рассматривается как вероломное нарушение пакта о ненападении, заключённого СССР и Японией ещё в начале Второй мировой. Учитывая это, действия Советского Союза вполне можно описать как агрессивские и направленные, в первую очередь, на захват японских территорий.

Таким образом, можно предположить, что непонимание мотивов действий друг друга в годы Второй мировой долгое время не позволяли Японии и СССР найти общий язык. Нежелание расставаться с заветными островами усугубилось тем, что советская сторона расценивала японский союз с А. Гитлером как приверженность к национализму, а японская сторона считала действия СССР агрессивскими. Столь разные взгляды на ход войны способствовали формированию соответствующего отношения наших наций друг к другу на протяжении многих лет. Однако сегодня почва для преодоления этих проблем уже подготовлена: молодое поколение более раскованно, имеет больше возможностей получать знания, благодаря чему узкий взгляд на историю может быть значительно расширен. Остаётся только увидеть общую картину, попытаться принять позицию своего оппонента и вместе прийти к консенсусу.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент Е. Л. Фролова

Интерпретация сюжетов китайских бронзовых зеркал в Южной Сибири в Средневековье

А. Д. Гольцова

Новосибирский государственный педагогический университет

Географическое положение Южной Сибири, находящейся на перекрестке взаимодействия китайских народов с западными и северными цивилизациями, обусловило историческое и культурное развитие местного населения. Большинство зеркал производились в Китае, но также встречаются копии с китайских оригиналов.

Зеркало из Алтайского края памятника Шибе-II является копией, сделанной по образцу китайского зеркала эпохи Тан. В центре фрагмента различается фигура бегущего животного, так как изделие датируется VIII–IX вв., можно предположить, что это изображение льва как наиболее характерный для данной эпохи сюжет. Примерной аналогией может служить зеркало эпохи Тан, найденное в погребении тюркской культуры [3]. Одной из причин копирования зеркал с данным орнаментом может быть культурный обмен с кыргызами, которые копировали в основном зеркала с изображениями животных, винограда и четырёх бегущих зверей. В тюркском искусстве присутствовал образ гротескного льва «шицца», распространенный также в восточно-азиатском искусстве, в тюркском варианте воспроизводил животное, похожее на собаку. Образ крылатой собаки восходит, вероятно, к иранскому мифологическому Сэнмурув.

Традиционным элементом декора эпохи Сун является дракон, который часто встречается на зеркалах, найденных в районе Минусинской котловины. Некоторые из них местного производства, например, зеркала с изображением двух водных драконов [4]. Несмотря на то что Китай периода Сун был отделен от кыргызов, зеркала поступали в Минусинскую котловину посредством киданей, у которых был заимствован образ дракона, создающего гром и молнию. В мифологии монгольских народов дракон Лу — владыка водной стихии и громовержец. Рыба-дракон на зеркалах XIII–XV вв. из Минусинской котловины также могла интерпретироваться как Лу [4]. У кыргызов, как и у многих тюркских народов Центральной Азии, был культ воды, владыкой водной стихии являлся Лу, вероятно, поэтому зеркала с изображениями драконов были распространены и могли служить в ритуальных целях. По этой же причине в Минусинской котловине часто встречаются зеркала с изображением двух рыб, которые согласно кыргызской мифологии служат опорой земли [4].

Возможно, образцом местного производства является зеркало с изображением летящих птиц эпохи Тан [4]. В китайской традиции зеркала с парны-

ми птицами считаются свадебными и служат символом счастливого брака. У многих сибирских народов с птицей связано происхождение мира, в шаманском варианте владыками верхнего и подземного мира являются утки, которым также приписывается сотворение человека. Вероятно, подобное отношение к птице способствовало распространению в районе Минусинской котловины зеркал с данным орнаментом.

Обломок китайского зеркала, найденный у с. Шагир, является копией китайского образца. Примерным аналогом может служить образец с изображением стилизованных волн, расположенных с четырех сторон и хризантемы в центре, относящийся к династии Цзинь [2]. Согласно автору словаря, данный орнамент встречается крайне редко [2]. Возможно, изображение восходит к философскому представлению о том, что Китай с четырёх сторон окружён морями, служившими обозначением сторон света. Можно предположить, что копия была изготовлена на территории Сибири, так как орнамент центральной части зеркала отличается от китайского аналога. Для мировоззрения народов Сибири характерно почитание земли и воды и вера в существование хозяев различных мест, таким образом фрагмент мог интерпретироваться в соответствие с оригинальным значением.

По мнению некоторых исследователей, зеркала могли использоваться в качестве амулетов, выполняли защитную функцию, являлись элементом погребального обряда, были жреческим атрибутом.

Таким образом, сюжеты китайских зеркал могли восприниматься и копироваться либо переосмысливаться сибирскими народами. Можно предположить, что для копирования выбирались типы зеркал с наиболее понятными для данных народов сюжетами, также причиной их широкого распространения могло стать наделение зеркал сакральными функциями и использование в обрядах.

---

1. *Бородовский А. П., Тишкин А. А.* Обломок китайского зеркала из Шагирских юрт в Барабинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 1 (11). С. 87–93.

2. *Кун Сянсин.* Иллюстрированный словарь китайских бронзовых зеркал. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1997. 952 с.

3. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая / Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.

4. *Оборин Ю. В., Савосин С. Л.* Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок. Красноярск; М., 2017. 527 с.

Научный руководитель — вед. науч. сотр. СО РАН,
д-р ист. наук, проф. А. П. Бородовский

Основные проблемы государства Пуё в корейской историографии

М. Г. Грехов

Новосибирский государственный университет

Пуё (Фуюй) — государство, располагавшееся в районе современной Маньчжурии, севернее нынешней территории КНДР в период со II в. до н. э. по 494 г. н. э. Язык пуёсцев традиционно относят к алтайской языковой семье, а население, вероятнее всего, было тунгусским [1]. После распада остатки Пуё вошли в состав одного из трех ранних корейских государств — Когуре, которое, как и другое корейское государство Пэкче, называло себя преемником Пуё. Несмотря на тот факт, что Пуё сложно назвать строго корейским государством, корейские историки, начиная с самых первых летописных текстов, рассматривают историю Пуё в рамках корейской истории.

Повышенный интерес корейских исследователей к теме Пуё породил возникновение многочисленных вопросов, связанных с историей этого государства. С каждой новой работой, посвященной Пуё, корейские историографы сталкивались со все большим количеством проблем. Пуё и по сей день является объектом жарких споров как среди корейских исследователей, так и среди учёных всего мира.

На примере истории изучения государства Пуё корейскими историками мы имеем возможность наблюдать историю изменения отношения к столь спорной теме. В данной работе нам представлялось важным выявить и проанализировать основные проблемы государства Пуё, стоявшими перед корейскими историографами на протяжении с XII в. (время появления самой ранней дошедшей до нас корейской летописи) по настоящее время.

В ходе нашего исследования был проведен анализ всех основных исторических работ, затрагивающих историю государства в Пуё. В выборку попали тексты, написанные корейскими историографами в период с XII в. н. э. по настоящее время.

Для более удобного анализа рассматриваемые работы были разделены нами на три крупные группы, каждая из которых соответствует определенному историческому периоду. Первая группа вобрала в себя материалы, написанные в пору государств Корё и Чосон, и отличающиеся традиционным стилем создания исторических хроник. Материалы второй группы относятся к периоду японской оккупации Кореи, когда на смену традиционному корейскому летописанию пришли совершенно новые методы историографического исследования (в первую очередь из Японии и стран Запада). И, наконец, в третью группу вошли работы, выпущенные в период после

Второй мировой войны, включая работы исследователей из обеих Северной и Южной Кореи.

В ходе нашего исследования было обнаружено, что в период японской оккупации Кореи взгляды корейских исследователей на корейскую историю подверглись сильному изменению. Так, частью историков была образована так называемая школа корейской националистической историографии (мин-джок сахак), члены которой в том числе считали Пуё исконным корейским государством [2]. Причиной тому послужили появление в Корее, как уже было сказано ранее, новых подходов к изучению истории Пуё, а также рост патриотических настроений в стране, вызванный действиями японского оккупационного режима. В результате резким изменениям подвергся и традиционный подход корейских исследователей к изучению государства Пуё.

Также в период японской оккупации Кореи и следующий за ним послевоенный период с подъёмом волны интереса и началом более активного исследования истории Пуё перед корейскими историками начинают возникать новые принципиальные проблемы, связанные с её изучением, а также новые ответы на ранее поставленные вопросы.

Среди часто встречающихся проблем государства Пуё в корейской историографии можно выделить проблемы 1) национальной принадлежности жителей Пуё; 2) преемственности Пуё современного корейского государства; 3) местоположения и границ Пуё; 4) определения Пуё как государства и другие.

Стоит отметить, что среди корейских историков, являющихся приверженцами разнообразных течений корейской исторической науки, нет единого мнения насчет верного подхода к изучению государства Пуё. Следовательно, проблемы, возникающие у исследователей истории государства Пуё, могут различаться, а решения поставленных проблем зачастую противоречат друг другу. Это позволяет нам говорить о неоднородности исторического исследования истории государства Пуё среди корейских историографов.

---

1. *Kurakichi Siratori*. The legend of the King Tungming the Founder of the Fu-yu kuo. Tokyo: Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, 1938.

2. *Robinson Michael*. National Identity and the Thought of Sin Ch'ae-ho: Sadaejuui and Chuch'e in History and Politics // *Journal of Korean Studies*, 1984.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент С. А. Комиссаров

Влияние Благовещенского инцидента на формирование образа русских в Китае

А. А. Ковалев

Новосибирский государственный университет

История российско-китайских отношений зачастую представляется нам как достаточно позитивной и лишённой крупных конфликтов. Однако следует сказать, что в глазах китайцев и особенно тех, кто проживает на приграничных территориях, образ их северных соседей вовсе не так однозначен. Одной из причин в том числе является память о Благовещенской трагедии начала XX в.

Благовещенскому инциденту предшествовала бомбардировка города 2 июля 1900 г. [1, с. 417]. Несмотря на то что за все время бомбардировки потери российской стороны были крайне незначительны, в городе началась паника [2, с. 241].

Готовящийся погром китайского населения мог быть остановлен городской администрацией, но позиция властей не была хоть сколько-нибудь последовательна и логична.

По версии китайского автора Лю Банхоу, за несколько дней июля 1900 г. в т.н. «Маньчжурском клине» были уничтожены около 7000 китайских подданных. Найденные и задержанные китайцы были собраны вместе, а затем отправлены до поселка Верхне-Благовещенский, который был назначен местом переправы. Ширина реки в этом месте достигала 200 м, а глубина 4 м. Отсутствие плавсредств и жестокое отношение привело к тому, что на китайский берег удалось переправиться не более сотни человек [3, с. 36]. Мы рассмотрим, как страдания и унижения, пережитые жертвами инцидента, привели к формированию трансгенерационной травмы, последствия которой мы можем видеть и сегодня [4].

Интерес для нас представляют два вопроса. Во-первых, как в КНР используется память об этом историческом событии при формировании общественного мнения. Во-вторых, насколько хорошо современное поколение китайцев информировано о «благовещенском инциденте».

Современная официальная китайская версия событий 1900 г. была представлена только через 65 лет после самого инцидента [5, с. 145]. Показателен тот момент, что именно этот период в русско-китайских отношениях был ознаменован наивысшим напряжением в отношениях между КНР и СССР. Правительство Мао Цзэдуна умело использовало факт национального унижения, чтобы закрепить в головах китайских граждан образ России как образ империалистического агрессора и захватчика.

Делу патриотического воспитания населения сейчас служит Айгунский исторический музей на территории городского округа Хэйхэ, в котором существует отдельная экспозиция, посвященная событиям лета 1900 г. в Благовещенске. По свидетельствам отечественных китайцев, российских граждан в музей не пускают. Что само по себе создаёт нездоровую атмосферу вокруг этого учреждения, ведь освещение данных событий под определенным углом имеет потенциальную возможность оказать негативное воздействие на восприятие китайцами русских.

Исследование китайской блогосферы показывает, что в массовом сознании хранится память о коллективном страдании в прошлом. Эта память, в свою очередь, подкрепляет нарратив о несправедливости заключенных между царской Россией и Цинским Китаем Айгунского и Пекинского договоров, по которым России отошли значительные территории Дальнего Востока. Это входит в противоречие с достижением РФ и КНР договоренностей касательно отсутствия взаимных территориальных претензий, изложенных в Договоре двух стран о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г.

Мы считаем важным проведение комплексного исследования для выяснения степени влияния вышеизложенных событий на формирование образа русских в глазах китайцев, для поиска возможности разрешить те конфликты, которые существуют как на межличностном, так и на межкультурном уровнях.

---

1. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. Благовещенск, 2008. 424 с.

2. Благовещенская «Утопия» // Вестник Европы. 1910. № 7. С. 231–241.

3. Лю Банхоу. Несколько вопросов относительно исторических фактов о «Благовещенской резне» // Хэйлунцзян вэньуцункань. 1983. № 1. С. 36–41 (на кит. яз.).

4. Спасская М. А. Психоанализ в исследовании международных отношений. [Электронный ресурс]: <http://psychoanalyst.spb.ru/volkan2/>

5. Fromm M. Invoking the ghosts of Blagoveshchensk: Massacre, memory, and the post-Mao search for historical identity // J. T. Lee, L. V. Nedilsky, S. Cheung (Eds.) China's rise to power. New York: Palgrave Macmillan, 2012. P. 139–163.

Научный руководитель — канд. ист. наук С. В. Алкин

Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге 1929 г.: причины и последствия

И. А. Посылкин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

События 1929 г., произошедшие в районе Китайско-Восточной железной дороги, имеют важное значение в истории советско-китайских отношений и являются предметом изучения современной историографии. Актуальность исследования обуславливается тем, что историки расходятся в оценках причин и предпосылок конфликта. В советской и китайской историографии XX в. трактовка событий 1929 г. носит устойчивую идеологическую окраску, ученые в качестве виновника конфликта определяют исключительно противоположную сторону. Так, по мнению В. В. Душенькина, Советский Союз принимал все возможные меры для решения конфликта мирным путем, а планы Чан Кайши состояли в том, чтобы вторгнуться на советскую территорию в районе о. Байкал, и, разрушив железнодорожные туннели и остановив транспортное сообщение между Восточной и Западной Сибирью, аннексировать советский Дальний Восток. Современная отечественная историография объективно оценивает позиции сторон конфликта, но и сегодня сохраняется мнение о том, что именно китайская сторона несет ответственность за резкое ухудшение межгосударственных отношений.

Конфликт на КВЖД 1929 г. стал апогеем развития противоречий советско-китайских отношений в дальневосточном регионе. Летом 1928 г. было завершено объединение Китая под началом Чан Кайши, и вскоре новое китайское правительство начало выдвигать СССР обвинения в нарушении международных соглашений, в использовании Советским Союзом своего присутствия на КВЖД для «коммунизации» Китая. Данные обвинения частично являлись справедливыми: СССР действительно всеми силами оказывал помощь КПК, чьей целью являлось свержение правительства Китая, однако стоит заметить, что коммунистические ячейки в Маньчжурии были плохо организованы и не имели связи с Москвой.

15 июля 1929 г. Чан Кайши произнес речь, в которой объявил, что Китай «возвращает контроль над КВЖД в свои руки», а 20 июля дипломатические отношения между государствами были разорваны.

Китайско-Восточная железная дорога являлась для СССР важнейшим стратегическим объектом, необходимым для соединения Читы с Владивостоком и Порт-Артуром и составляла основу экономического взаимодействия с Северным Китаем, поэтому Советскому Союзу было важно сохра-

нить свое участие в контроле над КВЖД. Этим и было вызвано начавшееся в октябре 1929 г. вторжение советских военных сил на территорию Китая. Определив целью военных действий не захват территории, а восстановление статус-кво на железной дороге, советские войска, заняв часть Маньчжурии, остановили наступление.

В ноябре обе стороны заявили о готовности пойти на мирное урегулирование конфликта, и 22 декабря 1929 г. был подписан Хабаровский протокол, согласно которому были выполнены все требования советской стороны.

События 1929 г. вокруг Китайско-Восточной железной дороги являлись частью идеологической войны, причем взаимные обвинения сторон зачастую не соответствовали действительности. Так, советская сторона обвиняла Нанкинское правительство в том, что оно планировало, захватив КВЖД, аннексировать дальневосточные территории СССР. Однако документальные хроники жизни Чан Кайши свидетельствуют о понимании лидером Китая, учитывая ситуацию на международной арене, возможности активных военных акций со стороны СССР. В связи с чем, Чан Кайши настаивал на необходимости недопущения провокаций, способных вызвать ответные меры. Из данных хроник следует, что китайское правительство избегало перерастания конфликта в фазу военных действий, а из этого очевидно, что Китай не строил планов по аннексии восточной части советской территории.

Таким образом, вина за произошедший конфликт лежит на обеих сторонах: с одной стороны, сложная стратегия Чан Кайши, направленная на укрепление своего имиджа патриота и национального лидера, включала в себя действия, которые выглядели как нарушение норм международного права того времени, а с другой стороны, Советский Союз долгое время поддерживал китайских коммунистов, чьей целью было свержение правительства в Нанкине.

Кроме того, инцидент 1929 г. существенно повлиял на трехсторонние отношения СССР, Китая и Японии. Советское присутствие на КВЖД, во-первых, ущемляло суверенитет Китая, а во-вторых, противоречило проявившим себя в 1931 г. интересам Японской империи на северо-восточной территории Китая. Появились признаки неизбежного сокращения советского влияния в Маньчжурии, что привело в дальнейшем к потере КВЖД и оккупации региона Японией.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент И. В. Анисимова

**Изображения членов китайских посольств к Кыргызскому кагану
на петроглифах у урочища Албаны
на северо-западе современной Хакасии**

К. Н. Проталинская
Новосибирский государственный университет

Экспедицией И. Р. Аспелина в 1887 г. на Ошкольской писанице у урочища Албаны на северо-западе Хакасии в междуречье Белого и Черного Июсов были обнаружены резные изображения людей в длиннополых одеяниях с высокими головными уборами. Позднее в научный оборот были введены подобные материалы с плит оград курганов тагарской культуры, находящихся у писаницы. Со времени этой экспедиции среди исследователей ведутся споры об интерпретации данных сюжетов. Гравировки были найдены в пределах небольшого района радиусом не более 20 км. Они разительно отличаются от изображений в такой же прорезной технике пеших и конных лучников, характерных для памятников данного региона таштыкской культуры и Средневековья. Но рисунки явно выполнены местными мастерами, поскольку композиции, где голова и нижняя часть туловища изображались в профиль, а остальное в фас, была характерна для таштыкских и кыргызских гравировок. Судя по длинным закрытым костюмам, фигуры представляли не охотников или лучников, а медленно движущихся участников некой процессии. Персонажи в длиннополых одеждах, как отмечал И. Р. Аспелин, «шествовавшие торжественно и церемонно», вероятно, были представителями иноземных культур [1]. Одной из версий их происхождения является графическое отражение предполагаемого наблюдения местными жителями за торжественным вхождением китайских посольств в ставку Кыргызского кагана. Такая версия подтверждается существованием ставки именно в урочище Албаны, где в долине Черного Июса и было обнаружено большинство подобных памятников. Предположение о таком происхождении фигур можно выдвинуть на основании сходства одежды, в которую облачены эти персонажи, с китайским традиционным парадно-ритуальным костюмом *чао фу* [3]. Одним из главных элементов данного костюма являлась наплечная одежда в виде халата *пао*, покрывавшая всю фигуру до щиколотки или земли. Халат имел длинный подол, образующий подобие шлейфа как спереди, так и сзади. Данные особенности покроя верхней одежды в точности соответствуют гравировкам на писанице и могильных плитах и являются одной из наиболее характерных черт изображаемых персонажей. Внимание исследователей также привлекают головные уборы фигур. Подобно китайскому *цзиньсяньгуань*, состоявшему из украшения над узлом волос и под-

вязки-околыша, они представляют собой конструкции, приблизительно равные высоте головы от подбородка до темени. В эпоху Хань (2 в. до н. э. — 2 в. н. э.) и позднее такие головные уборы носили чиновники, сановники и учёные. Дугообразные линии, спускавшиеся от затылка ниже линии плеч, могут отсылать к китайскому головному убору *путоу*, распространённому в 8–9 вв. н. э. Свободно ниспадающие на спину завязки платка натягивали на проволочные каркасы, и они служили своеобразным головным украшением. Особо следует упомянуть изображения поясных украшений. Исследователь С. В. Панкова отмечает: «Трудно сказать, как наличие поясов с подвесными ремешками согласуется с версией о «длиннополых» как чужеземцах, прибывших из зоны Китая...» [2]. Но пояс являлся обязательным элементом китайского костюма, поскольку халат *пао* не подгонялся по фигуре и не имел застёжек. Пояса выполняли также ранговую функцию и представляли собой целые композиции из шёлкового плетения и нефритовых элементов (круглых, квадратных, треугольных пластин и полуколец на шёлковых лентах). Данные комбинации распространялись на большую часть костюма ниже пояса. Комбинации подобного типа наличествуют у нескольких фигур на изучаемых памятниках. Эти и другие детали — дуговидные линии в верхней части груди, вероятно, передающие складки одежды у горловины, парные волнообразные линии в средней части туловища, которые могли передавать широкие рукава халатов, выступают в качестве дополнительного подтверждения версии о китайской принадлежности загадочных фигур. Такое мнение соответствует и неоднократным прямым упоминаниям в письменных источниках о посольствах из империй Тан и Ляо к Кыргызскому кагану. Более детальное изучение особенностей китайского костюма и сопоставление его с гравировками на памятниках у урочища Албаны могут стать шагом на пути к разрешению проблемы интерпретации изображений, а также позволят более определенно говорить об истории дипломатических отношений между Кыргызским каганатом и разновременными китайскими государствами.

---

1. *Aspelin J.-R.* Types de peuples de l'Antienne Asie Centrale // Souvenir de l'Ienissei. Le 20(8) Janvier 1890. Helsingfors, 1890. P. 3–14.

2. *Панкова С. В.* Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на вереве Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1(5). С. 125–158.

3. *Сычёв Л. П., Сычёв В. Л.* Китайский костюм. Символика. История (Трактовка в литературе и искусстве). М.: Наука, 1975. 132 с.

Научные руководители — канд. ист. наук Е. А. Гирченко,
канд. ист. наук, доцент С. Г. Скобелев

Пхунню как основа мышления корейского общества в раннем средневековье

Ю. А. Светецкая

Новосибирский государственный университет

За последние десятилетия научное сообщество заметно продвинулось в изучении собственно корейских элементов культуры страны и соответствующих явлений, что обусловило интерес к своеобразному институту хваранов (букв. «цветущие юноши») — членов одноименной молодёжной организации, существовавшей в государстве Силла (57 г. до н. э. — 935 г.) с середины VI в. и выполнявшей ряд воспитательных, ритуальных и военных функций. Система их мировоззрения складывалась из постулатов конфуцианства, идей буддизма и даосизма, а также пхунню (букв. «ветер и поток») — системы автохтонных эстетических и житейских представлений. Ради разъяснения феномена пхунню придворный историограф периода Корё Ким Бусик (1075–1151) в книге 4 первого тома «Самгук саги» обращается к работе своего предшественника Ким Дэмун — «Хваран сеги»: «О происхождении этого учения... можно сказать, что в действительности оно служило для воспитания многочисленных учеников на основе трёх вероучений», — это даёт подтверждение тезису о взаимосвязи трёх самых важных религиозно-философских систем Дальнего Востока и некоего местного элемента.

Эпитафия, автором которой является Чхве Чхивон (857–908), известный корейский поэт, содержит следующую информацию: «В нашей стране была удивительная (таинственная) вера, которая называлась пхунню (совершенная внешность или высокие душевные качества)» [1, с. 136]. В чём же тогда выражались идеи пхунню? Существует ряд любопытных концепций на этот счёт. К примеру, в 1961 г. было опубликовано исследование [2] миссионера Р. Ратта, прожившего на территории Корейского п-ова около 20 лет. Автор полагает, что термин пхунню по смысловому содержанию можно было бы перевести как «путь богемной жизни», дословно — как «ветер и течение», и в то же время он указывает на связь пхунню с глаголом корейского языка «пурьда», который означает «петь», т. е. исконное значение понятия автор видит в обыкновении хваранов собираться в горах и устраивать пляски с пением под льющимся лунным светом, но со временем в народе смысл стал искажаться.

Интересен и эпизод, упомянутый в «Самгук юса» [3]: однажды в храме Сувонса монах Чинчжа повстречал прекрасного мудрого юношу Мири — по звучанию иероглифы в его имени напоминали корейское произношение

имени Будды Майтреи. В итоге ван пригласил его ко двору и сделал куксом (букв. «государственный святой», старший хваран), чьё «пхунню освещало мир вокруг в течение семи лет, а затем он бесследно исчез». Видимо, здесь под пхунню подразумевается мудрость слов и поступков юноши.

Корейский писатель Хван Сунчжон в своей работе [4] собрал биографии сорока хваранов, монахов, чиновников, ванов, что занимали важную роль в становлении института цветущих юношей. По его мнению, систематический анализ этого материала может помочь исследователям более точно понять суть жизненного пути хваранов, и — показать корееведам и читателю, интересующемуся истоками автохтонной корейской культуры, что в фундаменте мировосприятия общества государства Силла главенствующую роль до проникновения иноземных религиозных убеждений играло именно пхунню: оно было источником эстетических и житейских представлений силласцев, что впоследствии навсегда закрепились как основа культурного мышления корейского народа.

Пхунню было стилем жизни: его можно считать смесью идей упомянутых выше религиозных учений, но под ним также подразумевались благородство и изящество человека, искусство жить правильно. Всё это вкупе выливалось в сложную мировоззренческую систему не только хваранов, но и силласцев в целом.

---

1. Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.

2. *Rutt R.* The Flower Boys of Silla (Hwarang) // Transactions of the Korea Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. 38. 1961. P. 1–66.

3. *Pyon.* Samguk Yusa: Legends And History Of The Three Kingdoms Of Ancient Korea, Translated by Tae-Hung Ha and Grafton K. Mintz. Silk pagoda: Seoul, 2008. 372 p.

4. Хван Сунчжон. Хваран ияги [화랑 이야기] Рассказ о хваранах. Сеул: Инмун-совон, 2017. 264 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент С. В. Алкин

Историография Корейской войны в России и за рубежом

А. Ю. Ченцов

Новосибирский государственный университет

Одним из последствий Корейской войны стал кризис в азиатской части Азиатско-Тихоокеанского региона, сохраняющийся до сих пор, и преодоление которого без подробного изучения его истоков и сути представляется крайне маловероятным. Для лучшего понимания проблемы необходимо всестороннее изучение вопроса, что возможно лишь с привлечением самого широкого круга источников обеих сторон конфликта. Объективное же понимание конфликта сталкивается с проблемой идеологизированности значительной части источников и необходимости выявлять реальную картину событий путем критического анализа их и историографии вопроса. Необходима систематизация имеющихся подходов и выявления сильных и слабых их сторон с точки зрения перспектив урегулирования корейской проблемы.

Для достижения указанной цели автор ставит перед собой следующие задачи: дать периодизацию отечественной историографии по Корейскому конфликту с указанием характерных черт каждого периода, а также черты современной российской историографии, обозначить подходы, присущие историографии РК, КНДР и стран Запада в изучении Корейской войны, их эволюцию во времени, с выявлением ключевых работ по данной теме.

С самого начала Корейской войны статьи о ней публиковались в советской периодической печати, а несколько позже были выпущены крупные исследования, но все они были написаны в рамках принятой идеологической концепции, суть которой — война спровоцирована империалистическими планами США, а само нападение совершено Южной Кореей [1]. При этом вплоть до конца 1960-х гг. умалчивалась информация о прямой советской военной помощи КНДР, а часть публикаций имела различные грифы секретности. В то же время именно эти публикации, составленные в основе своей участниками боевых действий в Корее, за счет своей нацеленности на практическое применение для подготовки кадров минимально подвержены идеологической окраске не в ущерб содержанию [2].

С распадом СССР в 1991 г. ситуация в идеологическом плане резко меняется, на волне антисоветских настроений растет количество отечественных публикаций, обвиняющих СССР в развязывании войны в Корее. В то же время появляется доступ к западным источникам, что поначалу провоцирует рост работ, написанных неспециалистами. В 2000 г. юбилей начала Корейской войны дает новый толчок изучению данной темы в России. В течение 2000-х гг. продолжают выходить научные труды, учебные посо-

бия и воспоминания участников с советской стороны, характеризующиеся уже более умеренной оценкой таких спорных вопросов, как причины начала конфликта и роли в нём каждой стороны, а также дающие больше конкретной информации, что ранее могло считаться военной тайной [3].

В западной историографии присутствовала схожая проблема идеологической окраски работ: СССР и КНДР рассматривались как однозначные агрессоры и виновники кризиса, а США во главе сил ООН — защитниками демократии. Опять же, в трудах, нацеленных на разбор тактики, системы комплектования и отдельных операций американских военных частей, идеологизация не столь велика [4]. Ситуация начала меняться с окончанием «холодной войны»: исследователи стали отходить от критики только одной стороны и теперь указывали и на вину в случившемся правительства США, а также роль внутренних факторов на Корейском полуострове. Наиболее сильной идеологической составляющей остается в работах корейских исследователей: в меньшей степени Юга, в большей — Севера. В конце 1990-х гг. концепция трактовки войны в Южной Корее претерпела изменения, появилось больше сторонников влияния внутренних факторов и причастности обеих сверхдержав к разразившейся трагедии. На Севере же принятая в 1950-х гг. идеологизированная трактовка войны в основе своей сохранилась до настоящего времени, основное ее изменение — переход к замалчиванию оказанной помощи со стороны СССР и КНР [5]. В соответствии с ней в войне полностью виноваты США и Юг, первой нападение совершила Южная Корея, а итог войны — однозначная победа Севера.

Таким образом, и в отечественной, и в зарубежной историографии Корейской войны прослеживается влияние идеологии вплоть до окончания «холодной войны», и лишь затем — переход к более взвешенным оценкам событий и учету внутриаполитических факторов, а также открытие доступа к ранее недоступным источникам информации.

---

1. *Кравцов И. В.* Агрессия американского империализма в Корее (1945–1951 гг.). М.: Госполитиздат, 1951. 440 с.

2. *Толченов М. П.* Вооруженная борьба корейского народа за свою свободу и независимость (Обзор военных действий. Июнь 1950 г. — июнь 1952 г.). М.: Воен. изд-во Воен. Министерства Союза ССР, 1952. 50 с.

3. *Орлов А. С., Гаврилов В. А.* Тайны Корейской войны. М.: Вече, 2003. 400 с.

4. *Gough Terrence J.* U. S. Army Mobilization and Logistics in the Korean War: A Research Approach. Washington, D. C.: Center of Military History, United States Army, 1987. 126 p.

5. *Вон Чхунгук.* Реалии раскола Кореи. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. языках, 2014. 200 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент С. В. Алкин

История развития СМИ в КНР в 1949–1978 гг.

А. Н. Чувичкина

Новосибирский государственный университет

В соответствии с определением, данным словарём по политологии РГУ, средства массовой информации (СМИ) — это система сообщения населению информации посредством печатных, технических, изобразительных и иных форм и средств, имеющая принципиальное политическое значение. СМИ служат для сбора, распространения информации, формирования общественного мнения, легитимности политических структур, служат источником стабильности или нестабильности общества. Таким образом, СМИ заняли место «четвёртой» ветви власти. С данным тезисом связана актуальность работы — на фоне происходящих в Китае преобразований проследить за изменениями в сфере журналистики. Целью нашего исследования является изучение истории развития СМИ в КНР.

Как правило, китайские исследователи выделяют несколько основных этапов экономического развития КНР. Первым из них является «период унификации власти» (1949–1978 гг.) Данная работа сфокусирована на изучении именно этого временного отрезка.

К характерной черте этого периода относится централизация медиа. В число их обязанностей была включена ретрансляция выступлений политических деятелей. СМИ в основном принадлежали государству или управлялись под его строгим надзором. Выступающие против КПК или НОАК периодические издания, радиостанции национализировались. Не допускалось иностранное руководство или владение радиостанциями, за исключением некоторых коротковолновых. В результате складывается новая система массовой информации под эгидой крупнейшей партийной газеты «Жэньминь жибао» («Народная газета»), официального информационного агентства «Синьхуа» («Новый Китай») и Центрального народного радиовещания. Что касается телевидения, китайские телевизионные программы впервые стали доступны в 1958 г., и, поскольку большое значение придавалось публичности власти, они освещали международные отношения и государственную деятельность КПК и её лидеров.

В дальнейшем планируется более детальное рассмотрение трудов китайских исследователей, посвящённых данной теме, с целью проведения подробного исследования истории СМИ в КНР.

Научный руководитель — д-р ист. наук, доцент Е. Э. Войтишек

История дипломатических отношений ТНР с МНР

А. Р. Шожут

Тувинский государственный университет, г. Кызыл

16 августа 1926 г. в Улан-Баторе было подписано соглашение между Монгольской народной республикой и Тувинской народной республикой о дружбе, взаимном признании независимости обеих стран и обмене дипломатическими представительствами. Монгольская элита вынуждена была признать ТНР под советским давлением [1]. IV Великий Хурал ТНР, открывшийся во второй половине ноября 1926 г., ратифицировал августовское соглашение между МНР и ТНР. На этом же хурале поднимался вопрос о присоединении к Монголии, но он не получил поддержки большинства делегатов. При этом между двумя республиками оставалось много нерешенных вопросов и не только в сфере демаркации. Это стало возможным годы спустя после падения Цинской династии (1912) в Китае, в состав которого входили два молодых соседних государства [2]. В 1921 году на съезде народа Тувы было образовано новое государство, принята его конституция. Отношения с Монголией складывались непросто. Только через четыре года после исторического съезда в тувинском местечке Суг-Бажи (13–16 августа 1921 года) в ноябре 1925 года II Великий Хурал Монгольской Народной Республики принял решение о признании независимости ТНР и установлении дружественных отношений между МНР и ТНР.

Правительство МНР после заключения тувинско-монгольского договора об установлении дружественных связей попыталось зондировать тувинское направление и направило в МИД ТНР ряд проектов по внешнеэкономическому сотрудничеству. В них предлагалось предоставление МНР концессий на золотые прииски в Танну-Туву, допуск на тувинский рынок Монголценкоопа, введения единой валюты для двух государств. Все эти предложения Монголии обсуждались Правительством ТНР, но по настоянию ЦК ТНРП не нашли по существу никакого отклика. Именно такая позиция тувинского руководства явилась одним из его просчетов и была не в пользу ни одной стороне. Возможно, это было своего рода продолжением той политики недоверия, которая имела место в тувинско-монгольских отношениях до налаживания и установления дипломатических отношений, когда по инерции всякое активное сотрудничество воспринималось как угроза возможного навязывания идей панмонголизма, возникновения политической зависимости.

Таким образом, правительство Тувинской Народной Республики после заключения договоров с соседними двумя государствами получило возможность реально оценить перспективы развития основных направлений

внешней политики. Из практики начала 1920-х годов стало очевидно, что гарантией независимости тувинского государства является СССР. Только поддержка с его стороны сдерживала Монголию от более активных действий в отношении реализации идей панмонголизма.

Договор от Танну-Тувы подписали Дондук, Дармабадзар, Санджай. От Монголии — Дорликджаб, Дава.

Интересно, что для разграничения границ стороны договорились о создании специальной комиссии. Договорного разграничения монгольской и тувинской территории до 1932 г. не существовало [3]. В 1932 г. линия границы между МНР и ТНР на западном участке от стыка с Алтайским краем до города Цаган-Толгой была установлена четырьмя совместными протоколами, а по восточному участку от города Цаган-Гол до Бурятской АССР протоколом 1934 г.

После вхождения ТНР в состав СССР советские пограничные войска заняли под охрану участок границы в пределах Тувы по линии границ 1932 г., поставив в известность сопредельную сторону о том, что это дело временного порядка.

При заключении Договора о советско-монгольской границе в 1958 г. стороны в основном придерживались договоренностей между МНР и ТНР 1932 г.

В последующие годы Тувинская автономная область (позднее республика) в составе Российской Федерации и МНР поддерживали тесные дружественные отношения — в Туве проходили фестивали дружбы с Монголией.

---

1. *Аранчын Ю.* Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. С. 128.

2. *Белов Е. А.* Борьба за Урянхайский край в 1915–1919 гг. // Отечественная история. 1998. № 1. С. 55–56.

3. История Тувы: в 2 т. / отв. ред. С. К. Тока; ред. колл. Ю. Л. Аранчын. М.: Наука, 1964. Т. II. С. 172.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент А. О. Дыртык-оол

История распространения практик «женского обрезания»

В. А. Яниева

Новосибирский государственный университет

«Женское обрезание» — условное название для калечащих операций, проводимых на женских половых органах и представляющих собой частичное или полное удаление внешних женских гениталий. Феномен «женского обрезания», имея глубокие языческие корни, очень прочно вошел в культуру ислама. Многие, по неведению, считают подобные операции частью исламской культуры, в силу того что в этой религии подобное явление встречается чаще, чем в других. На самом же деле ислам послужил каналом, по которому ритуальные языческие практики из Северного, Западного и Восточного регионов Африки распространились по миру. Несмотря на древнюю историю, «женское обрезание» существует по сей день, минуя общественное осуждение и попытки политиков и крупнейших международных организаций запретить данные практики.

Проследить историю происхождения «женского обрезания» не просто в силу того, что ритуалы проведения подобных практик в том или ином виде встречались у разных народов, населяющих преимущественно северные и восточные районы Африки, а также некоторые регионы Австралии и Южной Америки. Еще одной причиной, делающей историю калечащих операций на женских половых органах сложной для изучения, является тот факт, что данные ритуальные практики уходят корнями в глубокую древность. Так, например, греческий философ Страбон в 17 томе своего сочинения «География» упоминал существование подобных практик в Древнем Египте. В некоторых мифах североафриканских народов наличие у женщины клитора выставлялось как серьезный недостаток, препятствующий ведению нормальных семейных отношений и продолжению рода. «Женское обрезание» очень прочно вошло в культуру народов Африки. Данные ритуальные практики непрерывно проводились на протяжении столетий и сохранились по сей день. В некоторых регионах даже сейчас можно нанести мужчине серьезное оскорбление, если назвать его «сыном необрезанной матери». Кроме того, считается, что клитордектомия — это важная мера, ибо именно клитор делает женщину сексуально агрессивной, заставляя женщин проявлять необычный, неестественный аппетит к постоянным половым сношениям.

К началу Арабских завоеваний практика «женского обрезания» уже глубоко вошла в культуру народов Северной Африки, а посему даже после принятия местными племенами ислама, калечащие операции на женских ге-

ниталиях не только сохранились, но и начали проникать в культуру ислама. Возможно, тот факт, что в исламе уже существовала, заимствованная из иудаизма культура мужского обрезания, стал причиной, по которой аналогичный ритуал для женщин так хорошо прижился. Конечно, далеко не все мусульмане поддерживают идею необходимости «женского обрезания». Так, например, в ханафитском, маликитском и ханбалитском мазхабах подобные калечащие практики желательны, но не обязательны. В настоящее время большинство исламских правоведов сходятся во мнении, что при женском обрезании отрезается лишь крайняя плоть клитора, а его смысл носит «косметический» характер.

В 2012 году Генеральная Ассамблея ООН признала женское обрезание нарушением прав человека. Однако в настоящее время женское обрезание регулярно практикуется в 30 странах. Точное число девочек и женщин, перенесших эту операцию, остается неизвестным, однако по данным ЮНИСЕФ их число уже превысило 200 миллионов.

Несмотря на то что в большинстве стран калечащие операции на женских половых органах выполняются традиционно у специальных людей (как правило, не имеющих соответствующего образования), больше половины девочек из Индонезии прошли через эту процедуру под руководством квалифицированных медицинских специалистов. Более того, отдельные клиники Северной Америки, Европы и Австралии неофициально предоставляют подобного рода услуги за дополнительную плату.

В 2016 году проект «Правовая инициатива» провел исследование «Производство калечащих операций на половых органах у девочек в Республике Дагестан», в ходе которого выяснилось, что подобные калечащие практики существуют и на территории России. Традиция «женского обрезания» на начало 2010-х годов была распространена в высокогорных районах Дагестана среди части представителей аварских и андо-цезских народов. В других регионах России женское обрезание не встречается — лишь в небольших закрытых группах в Чечне и в качестве единичных случаев.

Женское обрезание является межкультурным и межрелигиозным ритуалом, изначально не имеющим отношения к исламу. Проникновение калечащих операций на женских гениталиях — результат диалога культур. Ислам, безусловно, способствовал распространению и развитию данной традиции, однако корни женского обрезания восходят к древнеафриканским языческим культурам.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. В. Н. Пластун

ГЕОПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

УДК 94(519)

Внешняя политика президента Ли Мен Бака: внутренние факторы

В. Р. Бритова

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Меняющееся политическое пространство Южной Кореи оказывает значительное влияние на международные отношения страны, включая политические и стратегические отношения с США. Президент Южной Кореи Ли Мен Бак, относившийся к правоцентристской «Партии великой страны», пришел к власти в феврале 2008 г., обещал увеличить внутренний экономический рост, укрепить союзнические отношения с США и усилить международный статус Южной Кореи [1]. Обещание Ли Мен Бака как бывшего финансового магната применить «прагматичный», деловой подход к экономической политике резонировало с надеждами корейских избирателей на более стабильный и длительный экономический рост. Ли также обещал положить конец политике «безоговорочного участия» с Северной Кореей, прежде осуществляемой его левоцентристским предшественником Но Му Хеном. Вместо этого президент проводил политику «ответных действий» в отношениях с северокорейским режимом.

Принято считать, что проблемы президента Ли Мен Бака были непосредственно связаны с его подходом к решению стоящих перед ним задач, но они также характерны для всей совокупности политической культуры и системы Южной Кореи. Переход Южной Кореи от авторитарного государства к демократии — всего лишь за двадцать лет — привел к взрыву коллективной демократии, отмеченной зарождением гражданского общества, в большинстве свободными и чрезвычайно критичными средствами массовой коммуникации, изменчивой системы политических партий, продуманным применением Интернета для стимулирования и мобилизации массовых антигосударственных общественных демонстраций. После десятилетий авторитарного правления, которое завершилось в конце 1980-х гг., с конца XX века и по настоящее время южнокорейские лидеры подвергаются чрезмерной, по мнению ряда исследователей, например Вестона Кониши, общественной критической проверке и более зависимы от поддержки общества при исполнении своей политической программы действий.

Законодательная ветвь правительства, включающая в себя однопалатную Национальную Ассамблею численностью 299 мест, структурно слабее президентства и центральной бюрократии. Ограниченные сроком в пять

лет президенты страны, тем не менее, рискуют приобрести статус «хромой утки» вскоре после вступления в должность. Для политических партий в Корее свойственны роспуски и слияния, они создаются по региональным спискам и зачастую объединяются вокруг харизматичной личности, нежели для решения актуальной проблемы. Нестабильный характер южнокорейской политической системы затруднял выработку политического курса в Сеуле, в частности по острым политическим проблемам, таким как отношения с КНДР и США.

Все эти факторы присутствуют на фоне перехода Южной Кореи от развивающегося государства авторитарного типа к 13-й по величине экономике мира и быстро развивающейся демократии. Переход, который еще не примирил традиционные опасения возможности вмешательства великих держав в межкорейские отношения с надеждами страны на обретение реальной независимости. Это напряжение незамедлительно отразилось на внешней политике РК и отношениях с США, которые являются основным партнером со времен создания государства в 1948 г. Нестабильность союза могла привести к фатальным исходам, поэтому правительство Ли Мен Бака приняло ряд мер для поддержания союза: так, в 2012 г. было заключено соглашение о свободной торговле между США и Южной Кореей (KORUS FTA), также была достигнута договоренность по сумме расходов Южной Кореи на обеспечении пребывания американских войск. Решение Ли Мен Бака направить отношения с Северной Кореей в русло ограниченного контакта также изменило региональную дипломатию Сеула. В частности, это решение привело к переходу Южной Кореи на сторону США и Японии, требовавших от Пхеньяна завершения своей программы ядерного оружия, и в то же время оттолкнуло от сотрудничества с КНР, одного из главных экономических партнеров Южной Кореи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что совокупность внутренних факторов оказала значительное влияние на формирование внешнеполитического курса Кореи во времена работы правительства Ли Мен Бака. Несомненно, что личность президента-консерватора определяла курс внешней политики Кореи, но также и обстоятельства, в которых приходилось работать его правительству, внесли свои коррективы при реализации задуманных планов.

---

1. *Weston S. Konishi, Mark E. Manyin.* South Korea: Its Domestic Politics and Foreign Policy Outlook // CRS Report for Congress. September 30, 2009.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Д. И. Бураев

Белые книги по национальной обороне КНР 2010–2015: общее и особенное

И. В. Зуева

Новосибирский государственный технический университет

Белая книга по национальной обороне — это документ, содержащий в себе толкование военных доктрин КНР. Пекин использует публикацию белых книг в качестве инструмента для снижения обеспокоенности мировой общественности в связи с активной военной модернизацией Китая, а также обеспечивает некоторую прозрачность военной политики КНР. В книге представлены взгляды КНР на современную международную обстановку и роль армии в обеспечении безопасности страны

В каждой концепции можно проследить определенный посыл. Например, Белую книгу 2000 г. можно охарактеризовать «Серьезность», а книгу 2010 г. «Доверие военного взаимодействия», 2015 г. как «Миссии и задачи».

Целью нашего исследования является сравнение двух документов 2010 и 2015 гг. для определения того, что представляется угрозой для КНР и какие меры принимает правительство с целью обеспечения безопасности.

В 2010 г. была выпущена Белая книга под названием «Национальная оборона КНР-2010». Книга предлагает обзор оценки безопасности страны, обсуждение китайской национальной оборонительной политики, а также общие сведения о ее модернизации и расходах на оборону КНР. В первом разделе об оценке безопасности опубликованы взгляды КНР на международную обстановку в целом, восприятие стратегической угрозы.

Обращаясь к ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, можно сказать, что она остается стабильной, но становится наиболее сложной и напряженной для КНР, так как США продолжает укреплять свои региональные военные союзы, играет все более активную роль в региональных вопросах безопасности, это становится угрозой для КНР. Последствия такого влияния могут сказаться на росте экономики КНР, его политической и военной мощи. Отсюда и появляется проблема сохранения своих «морских прав и интересов». Таким образом, фактически в данном документе объясняются причины роста военных расходов и активизации присутствия Китая в регионе АТР.

«Белая книга» КНР от 26 мая 2015 г. «Военная стратегия Китая-2015» также включает в себя несколько разделов, где в первом говорится о Национальной безопасности на 2015 г. Происходят серьезные изменения в международной ситуации, исторические изменения в балансе сил, в целом международная обстановка остается спокойной, но тем не менее возникают новые угрозы.

Если в книге 2010 г. говорится о том, что многие крупные державы начинают активизировать перестройку своей военной стратегии, то в книге 2015 г. мы видим, что происходят изменения в балансе сил, но в целом обстановка остается спокойной.

Последний раздел посвящен военному сотрудничеству для обеспечения безопасности. Здесь говорится о том, что КНР продолжает развивать военные отношения, стремится к созданию эффективных механизмов безопасности и военных мер укрепления доверия, а также стремится расширить военное сотрудничество и среду безопасности, благоприятные для мирного развития страны. Китай намерен развивать международное сотрудничество в тех регионах, которые играют важную роль для безопасности страны. Будет продолжать сотрудничество с Россией, вести обмен в рамках военного сотрудничества, для создания устойчивой базы продвижения военных отношений в различных областях и на разных уровнях. В том числе Китай будет стремиться обеспечить безопасность и стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, в книге 2015 г. в отличие от концепции 2010 г. мы видим, что Китай уделяет большое внимание модернизации Военно-морских сил НОАК. Развивает и укрепляет военные отношения, в регионах, которые играют роль для обеспечения безопасности страны, акцент на улучшение отношений с Россией.

Несмотря на то что в белых книгах по национальной обороне КНР отсутствует детализация конкретных возможностей, проанализировав документы 2010 и 2015 гг., можно понять, что для китайского правительства представляется угрозой, как правительство воспринимает эти угрозы и какие меры принимает для обеспечения безопасности страны.

Научный руководитель — канд. ист. наук В. А. Гаврилова

Европейский вектор развития китайской внешней политики в рамках инициативы «пояса и пути»

А. А. Калюга

Иркутский государственный университет

В начале XXI в. китайская внешнеполитическая мысль вышла на принципиально новый уровень. Опираясь на мощный экономический потенциал, китайское правительство взяло курс на реализацию активной внешней политики, главные принципы которой легли в основу «китайской мечты». Впервые основные идеи «нового курса» были озвучены Си Цзиньпином через две недели после его избрания генеральным секретарем КПК в ноябре 2012 г. Через год в Назарбаев университете в г. Астане (Казахстан) глава Китая провозгласил создание новой концепции «Экономической полосы шёлкового пути» [3, с. 28]. Эта стратегия должна была определить контуры обновленной внешней политики КНР на последующие десятилетия. Фактически инициатива «пояса и пути» стала первым комплексным геополитическим проектом современной Китайской Народной Республики.

Усиление китайского присутствия в мире было не основной целью данного проекта. ЭПШП был нацелен и на решение более конкретных задач. Прежде всего, это вопросы, связанные с напряженной обстановкой вокруг островов в Южно-Китайском море. Опасность эскалации конфликта, активная роль США в данном вопросе ставили под угрозу внешнеторговую экономическую деятельность КНР (60 % торговли Китая проходит через акваторию Южно-Китайского моря) [1]. Таким образом, перед китайской политической элитой стояла проблема поиска запасного пути к зарубежным рынкам, в первую очередь европейским. Кроме того, перед Китаем стоял комплекс внутренних проблем, которые также предполагалось решить при реализации ЭПШП. Это вопросы, связанные с переизбытком строительных мощностей в стране, ассиметричным развитием регионов, нехваткой рабочих мест.

После объявления о создании Нового шелкового пути перед Си Цзиньпином встала важная задача: заинтересовать мировую общественность в участии в китайской инициативе. Нужно было убедить лидеров Европейского союза в перспективности инициативы «пояса и пути», что позволило бы рассчитывать на их политическую и экономическую поддержку.

Весной 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин предпринял «европейское турне» по странам ЕС (в число которых вошли Франция, Германия, Бельгия, Нидерланды), одной из целей которого было продвижения китайской инициативы. В ходе этой рабочей поездки была подчеркнута взаимная

заинтересованность сторон в активном экономическом сотрудничестве. Китайским лидером было отмечено, что строительство ЭПШП поможет ЕС выбраться из «долговой трясины», придать импульс к экономическому возрождению Европы [1].

Визит Си Цзиньпина в страны ЕС можно назвать началом нового этапа в китайско-европейских отношениях. До этого момента за европейский вектор внешней политики КНР традиционно отвечал премьер Госсовета.

Ярким успехом обновленной политики Китая стало присоединение ведущих Европейских государств к созданному КНР Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций весной 2015 г. Летом 2015 г. в ходе переговоров премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна с главой еврокомиссии Жан-Клодом Юнкером стороны пришли к соглашению о сопряжении инвестиционного «плана Юнкера» и инициативы «пояса и пути» [1]. Фактически это означало, что страны ЕС примут активное участие в реализации китайского проекта.

Кроме двухстороннего сотрудничества и взаимодействия КНР — ЕС по инициативе Китая в 2012 г. была создана площадка «16+1», включающая в себя страны Восточной и Центральной Европы. Формат «16+1» стал проводником китайской инициативы. На сегодняшний день заключено уже несколько десятков инвестиционных проектов по развитию инфраструктуры в данном регионе.

Таким образом, инициатива «пояса и пути» стала важным инструментом в деле продвижения китайских интересов в Европе. Несмотря на некоторые трудности КНР в создании ЭПШП и размытости общей идеи инициативы, можно утверждать об успешной реализации новой европейской политики Си Цзиньпина, которая постепенно приносит свои плоды.

---

1. *Виноградов А. О.* Отношения КНР-ЕС: продолжение европейского наступления Пекина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015. М., 2016. С. 275–288.

2. *Кашин В.* Почему опять кипит Южно-Китайское море [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegieendowment.org/publications/?fa=61801>. (дата обращения: 17.02.2018).

3. *Шаньшань Ю.* 2014 — первый год построения экономической полосы Шелкового пути // Китай. 2014. № 4. С. 28–30.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент И. В. Олейников

Территориальный фактор в китайско-индийских отношениях (1950-е гг. — начало XXI в.)

А. С. Качесова

Новосибирский государственный университет

Спорные территории. «Китайско-индийскую границу протяжённостью свыше 4 тыс. км в направлении с востока на запад можно условно разделить на два сектора. *Восточный сектор* — это в основном так называемая «линия Макмагона» (890 км), которая начинается на стыке границ КНР, Индии и Мьянмы и заканчивается на стыке границ КНР, Индии и Бутана. КНР настаивает на том, что в действительности граница должна проходить на 100 км южнее указанной линии. В этом случае под управлением Китая оказалась бы большая часть нынешнего индийского штата Аруначал-Прадеш площадью около 90 тыс. км², <...> который в Китае до сих пор именуется «Южным Тибетом» [1].

В западном секторе индийское правительство считает спорной территорией протяженностью около 1,6 тыс. км, т. е. большая часть плато Аксайчин и часть Ладакха (регион штата Джамму и Кашмир), которые заняты Китаем (приблизительно 38 тыс. км²) и долина Шаксам, которая также находится под контролем КНР (примерно 5180 км²) [2].

История возникновения спорных территорий. Конфликт за Аруначал-Прадеш берет начало еще в 1914 г., когда представители Великобритании Генри Макмагон и Тибета Лончэн Шэтра подписали «Декларацию, приложенную к тексту Симлской Конвенции от 3 июля 1914 г.». После обретения независимости в 1947 г. Индия провозгласила линию Макмагона официальной границей. Китай не подписал ни саму конвенцию, ни приложенную к ней декларацию, основываясь на том, что Тибет находился под властью Китая и не имел права заключать договоры, это позволяет правительству КНР и поныне отрицать существующую в наши дни границу между двумя странами.

«Современная китайско-индийская граница в западном секторе устанавливалась в течение последних 150 лет при участии императорского Китая, колониальной администрации Британской Индии и отдельных полусуверенных образований (Кашмира, Синьцзяна, Тибета). В самом конце XIX в. Китай заявил претензии на плато Аксайчин площадью около 40 тыс. км². Англичане, не желавшие обострять отношения с Китаем, одновременно соперничая с Россией за контроль над Центральной Азией, предложили компромиссное решение, по которому Китай получил приблизительно две трети территории упомянутого плато (по так называемой «линия Маккарт-

ни — Макдональда»). Однако цинский Китай на него никак не отреагировал» [1]. Притязания Индии на район Аксайчин основаны на «линии Джонсона». В 1846 г. Великобритания присоединила Кашмир, который играл важную роль в британской стратегии обеспечения безопасности северных границ Индии. В 1865 г. Уильям Джонсон, британский чиновник в Индии, который был отправлен для обследования территории Кашмира, предложил «линию Джонсона», по которой Аксайчин стал частью Кашмира. Исходя из того, что весь Кашмир был частью Индии, Нью-Дели также претендует и на долину Шаксам, которую Пакистан передал КНР в 1963 г.

«Что касается китайских претензий на владение плато Аксайчин, то они связаны с тем, что *географически* эта территория (и Ладакх в целом) является частью Тибетского плато. Кроме того, в КНР указывают, что Китай никогда не подписывал никаких документов, которые свидетельствовали бы о признании «линии Маккартни — Макдональда» границей, отделявшей его от Британской Индии» [1].

Роль Тибета в китайско-индийском пограничном споре. Роль Тибета в китайско-индийском споре является объектом научных дискуссий. Некоторые ученые полагают, что территориальный спор Китая и Индии неразрывно связан со статусом Тибета в прошлом, настоящем и будущем и что суть стратегического соперничества двух стран заключается в том, что китайская правящая элита считает Тибет стратегически важным для Китая, индийская же элита полагает, что он столь же жизненно важен для национальной безопасности Индии.

Китайско-индийская война 1962 г.: предшествующие события, ход войны, результаты. Разрыв отношений.

Состояние территориального спора после 1976 г. Восстановление отношений. 8 раундов переговоров по пограничной проблеме в 1981–1986 гг. Столкновение в восточном секторе в долине Сумдоронг Чу в октябре 1986 — марте 1987 гг. Создание «Совместной рабочей группы по пограничному вопросу» в 1988 г. Соглашения 1993, 1996, 2003 и 2013 гг. Сообщения о пересечении границы обеими сторонами.

---

1. *Терехов В. Ф.* Территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние // Проблемы национальной стратегии. Серия: международная политика. 2011. Вып. 4 (9). С. 57–76.

2. *Das B.* Border Defence Cooperation Agreement: The Icebreaker in Making? // *Journal of Defence Studies*, 2014. Vol. 8. № 1. P. 35–48.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. В. Н. Пластун

Сравнительный анализ территориальных конфликтов с участием КНР и перспективы их разрешения

Е. А. Максимов

Новосибирский государственный университет

Китайская Народная Республика, как известно, является одним из самых влиятельных государств не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в мире в целом. Более того, КНР — это третье в мире государство по площади, которое занимает территорию более чем в 9,5 млн. км². Такое положение континентального Китая вкупе с формированием внешней политики КНР на основе национальных интересов и национальной безопасности обусловило эскалацию территориальных конфликтов КНР с несколькими соседними государствами. Несмотря на то что большинство из этих конфликтов находились или находятся в холодных фазах в определенные промежутки времени, некоторые территориальные споры с участием КНР привели не только к неблагоприятным экономическим и политическим последствиям, но и к людским потерям убитыми и ранеными, что, безусловно, негативно отражается на международных отношениях КНР с соседними странами, участвующими в данных конфликтах.

Все территориальные споры КНР с другими странами на современном этапе можно поделить на материковые и островные. Основными участниками противостояния с КНР являются Индия, Бутан, КНДР, Япония, Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Тайвань и Бруней. Хронологические рамки охватывают границы с середины XX в. до настоящего времени, все анализируемые в данной работе конфликты актуальны и продолжают до сих пор. Стоит отметить, что предыстория части описываемых в работе конфликтов уходит корнями в начало XX в., поэтому мы решили выйти за нижнюю хронологическую границу настоящей работы для осуществления более детального анализа предпосылок и мотивов конфликтов, в силу чего она не может не получиться комплексной.

В данном исследовании анализируются 12 конфликтов КНР с соседними странами, которые продолжаются до сих пор: островные конфликты включают в себя территориальные споры за острова Сэнкаку, Спратли, Парасельские острова и острова Натуна. Материковые же конфликты включают в себя территориальные споры за долину Шаксгама, Аксайчин, Аруначал-Прадеш, Демчок, северо-западную часть округа Хаа, Бутанский анклав в Тибете, Цзяньдао и вулкан Пэктусан. В нашем исследовании будет дан подробный сравнительный анализ вышеперечисленных конфликтов с приведением графиков динамики горячих и холодных фаз. Более того, в настоящем исследо-

вании мы спрогнозируем варианты урегулирования конфликтов и перспективы сторон с учетом концепций политического реализма и неореализма, на чем базируется методологическая часть этой работы.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием видных работ на эту тему в отечественном востоковедении, а также насущностью проблемы: сложившаяся в азиатском регионе обстановка не только остается одной из основных проблем каждой из стран-участниц конфликтов, но и влияет на положительную динамику взаимоотношений между этими государствами на внешней арене.

Научный руководитель — доцент С. П. Куликов

**Государственная политика
в области семейно-брачных отношений в Японии**

Ю. В. Мануйлова
Новосибирский государственный университет

На сегодняшний день одной из важнейших проблем, стоящих перед Японией, является демографический кризис, среди причин которого отмечают снижение количества браков и увеличение брачного возраста.

Число заключенных браков, достигшее пика в 1972 г. (1 099 984 союзов), к 2016 г. снизилось до 621 тыс., что по сравнению с 2015 г. меньше приблизительно на 14 тыс. и является минимальным за послевоенное время. Кроме того, за последние 44 года брачный возраст мужчин увеличился с 26 до 31 года, женщин — с 24 до 29 лет. Если в 1970 г. около 5 % женщин и мужчин к 50 годам ни разу не были замужем/женаты, то в 2010 г. их количество составило 11 % для женщин и 20 % для мужчин, в 2015 г. показатели выросли до 14,06 % и 23,4 % соответственно.

Первые попытки решения демографических проблем и в том числе проблем семейно-брачных отношений правительство Японии предприняло в 1995 г., начав с принятия «Плана Ангел», который включал различные мероприятия в области труда, строительства, благосостояния и просвещения для поддержки воспитания детей. Российский востоковед, историк и политолог Д. В. Стрельцов в своей монографии «Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй» предлагает в соответствии с принятыми программными документами разделить политику, начатую с «Плана Ангел», на три этапа и приводит лаконичное описание государственных программ, реализованных в период с 1994 по 2010 гг. [1].

Отправной точкой настоящего исследования мы взяли 2010 год, что связано с отсутствием в российском востоковедении исследований государственной политики Японии, направленной на решение проблем семейно-брачных отношений.

На данном этапе исследования нам удалось обнаружить следующее. Законодательная поддержка браков, а также рождения и воспитания детей последних лет направлена преимущественным образом на принятие законов, регулирующих трудовые отношения между работодателем и работником в случае декретного отпуска в связи с беременностью или рождением ребенка, отпуска по уходу за ребенком или членом семьи, а также лимитирующих рабочие и сверхурочные часы. Другая часть законов называет обязательные к проведению местными органами мероприятия, такие как предоставление высококачественных медицинских услуг матерям, детям и беременным женщинам; создание безопасных площадок для развлечения детей и обеспечение семей жильем, благоприятным для воспитания и развития ребенка.

Что касается экономической поддержки браков, рождения и воспитания детей, то каждый год государство выделяет муниципальным органам определенную сумму йен на материальную поддержку браков, рождения и воспитания детей. К примеру, в связи с результатами опросов, согласно которым 42 % молодых людей избегают браков по причине высоких затрат на свадьбу и жилье, в 2016 году был введен новый вид помощи молодым людям, чей доход не достигает 3 млн 400 тыс. йен, — пособие в размере 240 тыс. йен для оплаты жилья и переезда в связи с браком.

К методам психологического стимулирования браков и рождаемости можно отнести социальную рекламу, среди которой наличествует немало примеров на тему, связанную с отношениями между детьми и родителями.

Кроме того, на официальном сайте Кабинета министров Японии предложены ссылки на сайты муниципальных организаций, занимающихся поддержкой брака, родителей, воспитания ребенка, и веб-ссылки на их главные страницы. Организации данного типа существуют на территории каждой из 47 префектур Японии и представляют собой самостоятельные государственные структуры, деятельность которых направлена на снабжение жителей информацией, которую необходимо знать при рождении ребенка, или же на организацию специальных мероприятий или всеобщих свиданий для одиноких людей, стремящихся найти «вторую половинку». Несмотря на то что данные муниципальные организации непосредственно связаны с деятельностью государства и находятся под его контролем, они весьма автономны с точки зрения предлагаемого контента и осуществляемых ими мероприятий. Любой житель Японии может в свободном доступе посещать официальные сайты таких муниципальных организаций, принимать участие в организуемых мероприятиях, обращаться за советом или задавать интересующие вопросы, а также делиться идеями проектов, которые внесут вклад в деятельность по поддержке браков, рождения детей и их воспитания.

Помимо вышеуказанного правительство Японии ведет разноплановую политику по разрешению сложившейся ситуации: введены день и неделя семьи, проводятся различные форумы и конференции, ведется ежегодный учет результатов и организация на их основе дальнейшей политики и т. д.

В дальнейшем планируем продолжить сбор непосредственных примеров государственной политики Японии в области семейно-брачных отношений, а также обратиться за статистическими данными к муниципальным организациям, занимающимся поддержкой брака, родителей, воспитания ребенка, и общественными опросами с тем, чтобы определить, насколько эффективна политика Японии за прошедшие годы.

---

1. *Стрельцов Д. В.* Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. М.: АИРО-XXI, 2013. 296 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент Е. Л. Фролова

Перспективы и важность развития сельского туризма в КНР

И. О. Милевский

Томский государственный университет

Китай был и остается крупнейшей в мире страной по численности сельского населения. Проблема сельскохозяйственного развития всегда была проблемой номер один, стоящей перед правительством КНР, принимая во внимание тот факт, что доля сельского населения составляла 75 % в 1997 г. Постепенно процентное соотношение между сельским и городским населением выравнивалось. Это мы можем проследить по результатам переписи населения 2010 года. За 13 лет доля сельского населения сократилась с 75 % до 50,32 % (или приблизительно до 674,2 млн человек) [1]. Что касается доли горожан, то, проанализировав перепись населения за 2000 и 2010 гг., мы видим, что процент горожан с 36,2 % вырос до 49,7 %. В 2011 г. сельское население составляло 50,32 %, а в 2016 — 42,65 % [3]. Тем не менее, процент сельского населения остается довольно высоким. А это значит, что сельское хозяйство, деревни в некоторой степени продолжают играть важные роли в социально-экономическом развитии Китая.

Сельский туризм рассматривается правительством КНР как эффективное решение социально-экономических проблем, с которыми сталкиваются сельские районы во всех развитых странах мира. Это такие проблемы, как, например, снижение доли сельскохозяйственного бизнеса, миграция сельского населения в города, а также постепенная потеря сельской идентичности.

Туризм на основе диверсификации фермы в сельской местности становится двигателем развития и восстановления сельских районов. Для того чтобы стимулировать сельскую экономику в деревнях, Китай использует туризм для улучшения образа жизни в сельских районах. Также прослеживается положительная тенденция в распределении доходов в неблагоприятных районах. Развитие туризма считается значительной движущей силой для того, чтобы увеличить доходы сельского населения, построить гармоничное общество, а, следовательно, ликвидировать нищету, добиться устойчивого развития и защиты окружающей среды.

Китайское правительство сфокусировано на развитии экономики сельских районов, несмотря на ограниченные ресурсы в сельской местности, путем поиска путей увеличения доходов фермеров. Ко всему прочему, кроме экономической функции сельского туризма (регенерация сельской экономики и трансформации традиционного сельского хозяйства), сельский туризм был признан правительством КНР как ключевой инструмент повышения

фермерской осведомленности о защите окружающей среды и сохранении культурного наследия.

Существует четыре взаимосвязанные модели, выбранные для развития сельского туризма в Китае [2]. Первая модель зависит от различных сельских ресурсов, которые близки к городскому рынку. Вторая модель зависит от комбинации природной среды и природных особенностей местности, осмотра достопримечательностей, отдыха. Преимущество третьей модели заключается в современной инновации природной среды и сопутствующего для туристов элемента — отдыха. Четвертая модель характеризуется следующей стратегией: «корпорация + сообщество + фермеры».

Еще одним интересным моментом, на наш взгляд, является связанная с сельским туризмом «Программа снижения уровня бедности через туризм» (Программа ПАТ).

Программа ПАТ, запущенная совместно с Китайской национальной туристической администрацией (КНТА) и Центральным правительством Китая в 1996 году, направлена на продвижение и развитие туризма в качестве шлюза для снижения уровня бедности в наименее развитых сельских районах Китая. Бедность является сельским явлением.

Правительство КНР действительно заинтересовано в развитии сельского туризма и его сопутствующих форм. Развивая такой вид туризма, правительство решает целый ряд задач: от повышения уровня благосостояния населения до развития экономики в стране в целом. Правительство КНР осознает, что сельский туризм является важным элементом не только туристической отрасли в целом, но и играет важную роль в регулировке социально-экономического развития страны. Очень важным остается факт сотрудничества правительства с частными фермерами в вопросе по развитию данного вида туризма. Действуя в основном через КНТА, которая выпускает различные указания, финансирует, организывает мероприятия, которые способствуют развитию туризма в стране, правительство добивается решения важнейших для страны задач.

---

1. *Chen W.* Peasant challenge in post-communist China // *Journal of Contemporary China*. 1997. № 6(14). С. 101–115.

2. *Liu D.* Chinese Tourism Research Annual Social Sciences Academic Press, China, 2008. С. 240–257.

3. Статистика по численности населения Китая: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1572056791024834&wfr=spider&for=pc&isFailFlag=1>

Научный руководитель — д-р ист. наук, профессор Л. И. Шерстова

**Законодательные и социальные аспекты статуса
людей с ограниченными возможностями в Японии с 1945 по 2017 гг.**

А. В. Трущелёва

Новосибирский государственный университет

Японское правительство проводит активную законодательную политику, направленную на улучшение прав и стабилизацию статуса лиц с физическими отклонениями. Однако количество законодательных актов и рычагов, посредством которых правительственные программы должны проводиться в жизнь, пока недостаточно. Лица с ограниченными возможностями были законодательно ущемлены в правах вплоть до принятия первой Конституции в 1947 г., и фактически по сей день не обладают той же совокупностью прав, что и физически здоровое население. Именно окончание Второй мировой войны, когда государство стало постепенно приходить в себя, является нижней границей исследования, поскольку принятие Конституции и ряда законов о расширении прав недееспособного населения (1949, 1960, 1970) приходится на послевоенный период.

Истоки дискриминационной политики в отношении лиц с физическими отклонениями можно проследить в культурных стереотипах японцев, которые существуют на протяжении многих веков. Подтверждением этому служит одна из статей кодекса Тайхо (702 г.): «Инвалидами считать: идиотов, глухонемых, карликов, лиц с искривленной спиной или бедрами, одноруких и одноногих. Полными инвалидами считать: прокаженных, сумасшедших, слепых и лиц без двух конечностей» [1]. Негативное отношение физически здоровых людей к лицам с ограниченными возможностями объясняется причислением инвалидов к «нечистой» группе населения. Исходя из имеющихся письменных источников, мы можем судить о следующем: негативный образ инвалидов — людей, физически изолированных от общества и целиком исключенных из общественной жизни, — не подвергался каким-либо значительным изменениям на протяжении двенадцати веков. Как следствие, можно отметить столь позднее начало активной пропаганды японского правительства, направленной на создание комфортной среды для инвалидов.

Уже первые шаги правительства по улучшению и расширению прав недееспособных граждан нашли отклик в японском обществе. Сразу после опубликования Конституции стали возникать общественные организации, провозгласившие своим девизом создание нового единого гармоничного общества, где права каждого члена будут приниматься и уважаться. Члены волонтерских и общественных движений активно требовали от правительства ускоренного проведения законодательных мер в жизнь, в том числе

настаивали на скорейшем создании специальных образовательных школ, улучшении социальных служб и предоставлении специальной «безбарьерной» среды людям с ограниченными возможностями. Все это в перспективе должно было способствовать искоренению сложившихся в японском обществе стереотипов о невозможности интеграции в общество людей, имеющих физические отклонения.

Кроме волонтерских и общественных организаций, настроенных на уничтожение дискриминационных барьеров и предоставление физически недееспособной группе лиц равных прав, также стоит отметить деятельность медиа-индустрии. Помимо транслирования Паралимпиад и привлечения к участию в рекламных роликах самих инвалидов, в последнее время японцы стали снимать сериалы и фильмы, главные роли в которых исполняют люди с ограниченными возможностями. Подобная политика японской медиа-индустрии имеет назидательный характер и, скорее, заключается в ненавязчивом освящении образа жизни людей, которые по тем или иным причинам лишены прав, доступных физически здоровым гражданам.

---

1. Свод законов «Тайхорё» / Пер. с яп. К. А. Попова. М.: Наука, 1985. С. 77.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент Е. Л. Фролова

МИФОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.512

Названия мастей лошади в якутском языке: система и происхождение

А. Е. Божедонова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск

Всего выявлено 164 имен прилагательных, описывающих масти лошади в якутском языке, из них более 40 % основ имеют лексические параллели в монгольских языках, более 30 % — общетюркское происхождение, 20 % слов являются исконно якутскими, более 5 % имеют тунгусо-маньчжурское происхождение, 5 % слов имеют неизвестное происхождение. В данной работе проводится первая попытка разработки системы названий мастей лошади в якутском языке по фоноструктурным и лексико-семантическим признакам, основываясь на методологической идее А. В. Дыбо.

Для систематизации имен прилагательных лексические основы были разделены на следующие типы: 1) основные масти; 2) подмастки основных мастей; 3) отметины лошади.

Основные масти разделены по классификации А. С. Красникова на следующие пять групп: 1) *одноцветные* (*хара* ‘вороной’, *кугас* ‘рыжий’, *арабас* ‘соловая’, *күрэн* ‘бурая’); 2) *двухцветные* (*турабас* ‘гнедая’, *эһэ хара* ‘караковая’, *саалыр* ‘буланый’, *хоңор* ‘игрневый’); 3) *смешанные* (*көбөччөр* ‘сивый’, *буулуур (бурул)* ‘чалый’); 4) *дикая окраска* (*сур* ‘мышастая’, *сиэр* ‘саврасая, светло-гнедой’); 5) *пятнистые* (*элэмэс* ‘пегий, пеганый’, *чуобур* ‘чубарая’). Все основные масти являются простыми моноксемными именами прилагательными. Например, 1) як. **хара** ‘2. вороной’, чёрная окраска всего туловища, головы, конечностей, гривы и хвоста [ТСЯЯ, Т. III, 2008, с. 3330]. **Фон хара** ‘чёрный’ + **цвет хвоста и гривы хара** ‘чёрный’: **вороная** [ТСЯЯ, Т. III, 2008, с. 3750].

Подмастки определены по признаку цвета фона, цвета хвоста и гривы, а также по наличию полосы по хребту (ремень). Данный метод позволяет структурировать систему имен прилагательных, более четко и выразительно определяет цвет термина. Все подмастки основных мастей являются сложными моноксемными именами прилагательными. Данная группа имен прилагательных рассматривается по трем структурным особенностям: 1) имя прилагательное с двумя или более корневыми основами, со структурой **‘имя прилагательное + имя прилагательное цвет’**. Например, **сырдык кугас** ‘светло-рыжий’ [ТСЯЯ, Т. IV, 2009, с. 426]. Светлый, от серо-рыжего до красновато-золотистого окрас туловища, головы и конечностей. Грива и хвост в большинстве случаев свет-

лые. **Фон** кугас ‘рыжий’ + **подмасток** сырдык ‘светлый’ + **цвет хвоста и гривы сырдык** ‘светлее фона’: **сырдык кугас** ‘светло-рыжий’. Данные сложные моноксемные имена прилагательные состоят из двух компонентов, где основы представляют собой названия цвета с уточнением его тона, интенсивности, качества или равноправных цветов или оттенков. 2) Имя прилагательное со структурой ‘**имя прилагательное цвет** + **имя прилагательное цвет**’. Сложения из двух и более основ цветовых прилагательных в равноправном значении. Например, **кэрэ элэмэс** ‘половопегий’ [ТСЯЯ, Т. I, 2007, с. 242]. Крупные пятна на фоне серой масти. **Фон** кэрэ ‘бледно-желтый’ + **подмасток** элэмэс ‘пегий’ + **цвет хвоста и гривы сырдык** ‘светлее фона’: **кэрэ элэмэс** ‘половопегий’. 3) Имя прилагательное со структурой ‘**имя суш. в им. падеже** + **имя прилагательное цвет**. Например, **хаар маанан** ‘белоснежный’ [ТСЯЯ, Т. III, 2008, с. 3329]. Белый как снег; безукоризненно белый; ослепительно белый. **Фон** маџан ‘белый’ + **подмасток** хаар ‘снег’ + **цвет хвоста и гривы сырдык** ‘светлее фона’: **хаар маанан** ‘белоснежный’. Данные сложные моноксемные имена прилагательные образуются путем сложения двух компонентов, где один из компонентов имеет уточняющую функцию, а другой — опорный компонент. Уточняющие компоненты в якутском языке выражаются именами существительными, которые обозначают природные явления, животный мир, растительный мир, предметы бытового использования.

Тип «Отметины лошади» в якутском языке разделен на следующие группы:

1) *отметины на голове*, например, **маџаас** ‘лысина’. Белая широкая полоса, соединенная с большой звездой на лбу и захватывающие боковые стороны головы, иногда глаза и морду [Рансфорд, 2008, 16]; 2) *отметины на ногах*, например, **кыталык элэмэс** ‘чулком’ [Там же]. Белое пятно от копыта до пясти; 3) *другие отличительные отметины*, например, **орох** ‘ремень’ — темная полоса по спине. Она идет по хребту от гривы до хвоста [Там же].

Из выявленных 164 названий мастей лошади 14 (9 %) являются простыми моноксемными именами прилагательными, в том числе одноцветные — 4 (29 %), двуцветные — 4 (29 %), смешанные — 2 (14 %), дикие — 2 (14 %), пятнистые — 2 (14 %). В 14 основных названиях мастей лошади выявлено 115 (70 %) подмасток, которые относятся к сложным моноксемным именам прилагательным. Наиболее большое количество подмасток имеет масть «сивый» — 32 подмастка (28 %). Из 115 имен прилагательных, обозначающих подмастки, в 41 (36 %) основе наблюдается два или более корневых основ со структурой ‘**имя прилагательное** + **имя прилагательное цвет**’; 35 (30 %); — со структурой ‘**имя прилагательное цвет** + **имя прилагательное цвет**’; 39 (34 %) — имя прилагательное со структурой ‘**имя суш. в им. падеже** + **имя прилагательное цвет**. В 35 случаях (21 %) наблюдается обозначение отметин лошади.

Критика национального характера в современной китайской публицистике

П. И. Заляева

Новосибирский государственный университет

Национальным характером принято считать ряд характерных черт, присущих одному этносу, которые составляют его менталитет, его специфические характеристики мышления и реакцию на окружающую действительность. Комплексная проблема национального характера является спорным моментом в исследованиях специалистов разных научных областей. Некоторые исследователи вовсе отрицают существование такого понятия, как «национальный характер». В поддержку этого мнения приводится утверждение, что каждый представитель одного этноса обладает своим набором характерных качеств и черт, которые отличают его от остального этноса, что мешает формированию типичного характера для всего этноса. Существуют несколько подходов к исследованию национального характера. Так, выделяются теоретико-методологический и исторический подходы.

Стоит заметить, что вопрос национального характера китайцев исследовался не только китайскими исследователями, но и специалистами других стран. Предполагается, что количество подобных исследований национального китайского характера будет только увеличиваться. Это обусловлено политическими и экономическими причинами, расширением контактов Китая и других государств, заинтересованностью всего мира природой китайского этноса.

Разрешение вопроса «что представляет из себя китайский национальный характер» китайскими и иностранными исследователями также затрудняет тот факт, что китайский этнос формировался из большого множества народностей, каждая из которых имела свой национальный язык, культуру, а следовательно, и национальные особенности менталитета.

Вопрос национального, в частности китайского, характера давно стал не только предметом интереса этнопсихологов, но и популярной темой в современной публицистике.

Среди китайских авторов мы находим резких критиков китайского национального характера. Так, в публицистической работе Бо Яна, этнического китайца, «Уродливые китайцы» с помощью анализа лингвистических средств описания китайского характера можно наблюдать достаточно критичное отношение автора к китайцам и к Китаю в целом.

В ряде исследований, посвященных вопросу изучения национального китайского характера, проводится сравнительный анализ национальных ха-

ракторов этносов Китая и европейских стран. Так, в книге Ли Юйтана были сопоставлены европейская и китайская цивилизации, были представлены культурные характеристики китайского этноса, что впервые позволило европейцам и американцам познакомиться с особенностями китайского менталитета.

Стоит отметить, что изучение вопроса национального характера не только помогает установить характерные черты того или иного этноса, но и проанализировать корни национальных недостатков, стремиться к их искоренению, позволяет обратить внимание общества на необходимость работы над собой ради блага всего этноса.

Научные руководители — канд. ист. наук, доцент Е. Л. Фролова,
Т. Г. Завьялова

**Сравнительные конструкции в героических эпосах:
формы на -лыы якутского и -ДЫй алтайского языков**

А. М. Захарова

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, г. Якутск

Целью работы является выявление и описание синтетического типа сравнительных конструкций, выраженных формами на *-лыы* в якутском и на *-ДЫй* в алтайском героических эпосах.

Сравнения, как и эпитет, метафора и гиперболы, служат созданию художественного образа. Сравнение нам интересно как показатель особенностей творческого мышления народа. Особенно богаты сравнениями произведения устного народного творчества, и в первую очередь героические эпосы народов.

Сравнения традиционны для героического эпоса большинства тюркско-монгольских народов. И. В. Пухов отмечает: «Особенно характерна для алтайского эпоса гипербола в сочетании со сравнениями».

Сравнительные конструкции с эталоном сравнения, оформленным с аффиксом *-лыы* в якутском языке, занимает переходное положение между падежными формами и наречными образованиями. Л. Н. Харитонов отмечает, что «эта форма в живом якутском языке несет главным образом функции наречия». В грамматике Л. Н. Харитонova «Современный якутский язык. Морфология» отмечается, что аффикс *-лыы* является омертвелым аффиксом наречного падежа («*өлүктүйбүт кэмэй түһүгэ*»).

В современном разговорном якутском языке аффикс *-лыы* редко добавляется к имени, выступающему в качестве определяемого в определительных конструкциях: *Баһылайдыы оҕо* ‘ребенок, похожий на Василия’ (букв. ‘как Василий ребенок’).

Надо заметить, что в якутском героическом эпосе П. А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур» аффикс *-лыы* используется при описании какого-нибудь действия в качестве наречия. Во всех примерах сравнительных конструкций в роли модуля выступает действие. Приведем пример на описание моря, выраженного причастием прошедшего времени на *-быт*: *Андылыы битийбит*, / *Арылыастыы лабийбыт* / *Лэбийэ байбал*; ‘Сушу затопляющий Лэбийэ, / Что плещется, словно утка-турпан, / Шумно хлопает как нырок’. Здесь два сравнения, оформленные аффиксом *-лыы*: *андылыы* ‘как утка-турпан’, *арылыастыы* ‘как нырок’. Модулями сравнения выступают причастия *битийбит* ‘плещущийся’ и *лабийбыт* ‘хлопающий’. В следующем примере образно описывается крик богатыря Нижнего мира Уот

Ухутаакы: *Эптэт кэлэбэй буолан / Эһэлии часкыйбахтаан / Уот Ухутаакы / Бүтэриитэ суохтук / Борөлүү улуйбахтаан...*; ‘То по-медвежьи рыча, / То по-волчьи воя...’: *эһэлии* ‘как медведь’, *борөлүү* ‘как волк’, модули сравнения — деепричастия *часкыйбахтаан* ‘пронзительно крича, визжа, рыча’ и *улуйбахтаан* ‘воя’.

В грамматике алтайского языка именные образования с аффиксом *-ДЫй*, передающим уподобительное значение, считаются относительными прилагательными со значением «подобный X», «X-образный», «похожий на X», где X — это мотивирующая именная основа. Аффикс *-ДЫй* в алтайском языке является падежным. И. А. Невская отмечает, что уподобительный падеж (экватив или симилятив) существовал в древнетюркском языке. Его показателем был аффикс *-џА*. Образования с данным аффиксом имеются и сейчас в алтайском языке, но это застывшие образования, сохранившиеся только от небольшого количества основ.

В алтайском героическом эпосе А. Г. Калкина «Маадай-Кара» сравнительные конструкции, оформленные с аффиксом *-ДЫй*, используются при описании внешности героев и предметов. Первый пример дан на описание старого богатыря Маадай-Кара: *Курч кылыштый кату тижим / Куу быдактый арсайды — дийт*; ‘Зубы мои, острые и крепкие, как меч, / Как сухой сук, обломились’. В следующем примере описывается внешность дочки Эрлик-бия Абрам-Мооса Кара-Таади: *Јес алгыйдый јес сыргалу, / Јес чойгөндий јес тумчукту*; ‘Медные серьги ее — как медные котелки, / Медный нос ее — как медный чайник’. Такие прилагательные имеют значение уподобления, сравнения по какому-либо признаку: *кылыштый* ‘как меч’, *быдактый* ‘как сук’, *алгыйдый* ‘как котелки’, *чойгөндий* ‘как чайник’.

Таким образом, аффиксы якутского *-лыы* и алтайского *-ДЫй* являются особыми формами падежной системы данных языков. В якутском эпосе сравнения, оформленные аффиксом *-лыы*, используются при описании действий, другими словами, образные сравнения с аффиксом *-лыы* выступают как наречия, а в алтайском эпосе сравнения с аффиксом *-ДЫй* добавляются к имени, выступающему в качестве определяемого в определительных конструкциях.

Статья выполнена при финансовой поддержке Госзадание-2016. Регистрационный номер 34.3377.2017/ПЧ.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент А. К. Прокопьева

Особенности чаньской поэзии

Е. С. Киселева

Новосибирский государственный университет

Чань-буддизм на сегодняшний момент является одним из наиболее влиятельных буддийских учений не только в Китае, но и далеко за его пределами — принципы и практики чань находят отражение в других учениях, по всему миру возникают его последователи. Однако в силу довольно позднего распространения чань вне Восточной Азии многие аспекты остались неизученными европейскими и российскими исследователями.

Чань-буддизм стал достоянием не только философии, но и культуры ввиду синтеза чань с каллиграфией, живописью, литературой и другими видами искусства. Значимым явлением китайской культуры является, помимо прочих аспектов данной школы, чаньская поэзия.

Данное исследование посвящено словесному, в особенности поэтическому, выражению чань.

Актуальность темы настоящего исследования состоит в том, что именно в поэзии, насыщенной средствами художественной выразительности, наиболее глубоко раскрываются истины чань. Также актуальность обусловлена возросшим интересом современного человека к чань-буддизму и к художественным способам выражения чаньских идей. Цель исследования — выявить, какие черты определяют словесную эстетику чань.

В процессе исследования мы выяснили, что слово в чань-буддизме имеет неоднозначное значение. С одной стороны, школы чань утверждают, что истинно-сущее — 真如 *чжэнь жу* — не может быть выражено словами; с другой стороны, некоторые китайские литературные критики и чаньские наставники сравнивали или даже приравнивали поэтическое озарение и чаньское просветление, процесс написания стихов и чаньскую медитацию. Вслед за отечественными и китайскими буддологами мы предполагаем, что слово в чань в первую очередь предназначено для чтения и написания просветленным сознанием, чтобы через призму письменного выражения передать опыт и переживания, связанные с чань.

Эстетика словесного творчества представлена в чань-буддизме различными жанрами; наиболее распространенные из них — притчи, гуньбани (коаны) и стихотворения. В них главенствующую роль играют недосказанность, тайна, парадокс, а иногда и молчание. Связано это с основополагающими принципами чань — 不立文字 *бу ли вэнь цзы*, 无心 *у-синь*, 无念 *у-нянь*, 传心 *чуань синь* и др., каждый из которых получил свое развитие на письме. Один из наиболее используемых приемов в чаньской поэзии —

意在言外 и *цзай янь вай*, который дословно переводится как «смысл за пределами слов».

Формирование чаньской поэтической традиции прошло через несколько этапов. Чаньская поэзия поначалу существовала исключительно в форме перевода индийских гатх. Они сформировали основные поэтические установки чань, которые впоследствии поэты внедряли в пейзажную лирику. В эпоху Тан чаньская поэзия окончательно сложилась как самостоятельное явление. Именно в этот период наблюдался так называемый «золотой век» чань-буддизма и чаньской поэзии.

Приверженцы чаньских школ часто использовали поэтические формы, чтобы поделиться опытом просветления и медитации, дать наставление ученикам, объяснить сущность чань.

Авторами чаньских стихов были не только буддийские наставники и монахи, но и просто образованные люди, являющиеся поэтами небуддийского происхождения и вместе с тем интересующиеся духом чань. Знаменитые поэты часто встречались с чаньскими наставниками, в результате чего у поэтов рождались стихи-посвящения. Это были не только стихи о самой встрече, но и выражение поэтом своего понимания чань и своего к нему отношения.

Таким образом, чаньскую поэзию в общем можно разделить на два блока:

- непосредственно чаньские стихи, содержание которых включает базовые принципы чань;
- стихи, в которых монахи, миряне и люди категории «вэньжэнь» выражают свои переживания посредством вплетения чаньских мотивов.

Проанализировав некоторые из произведений, мы выявили основные темы стихов. Так, частотными являются темы просветления, одиночества, отшельничества, тема природы и ее воспевания. Среди форм стихотворного повествования можно выделить обращение поэта к монаху, описание чувств поэта во время или после просветления, а также рассуждения по самым различным аспектам буддийского учения.

Научный руководитель — ст. преп. Т. Г. Завьялова

Терминология традиционной китайской косметологии

В. В. Кралина

Новосибирский государственный университет

Еще при династиях Шан и Ся в Китае начали обращать внимание на внешний вид, о чем свидетельствует тот факт, что некоторые люди носили имена, образованные от их эстетических недостатков. Косметология как отдельная отрасль начала формироваться в период династии Западная Чжоу, окончательно сформировалась в эпоху Восточная Хань и с тех пор играет важную роль в истории Китая.

Данное исследование посвящено изучению терминологии традиционной китайской косметологии, ее особенностей, а также факторов, влияющих на ее формирование.

Традиционную китайскую косметологию возможно рассматривать в двух аспектах: непосредственно медицинском и эстетическом. Под эстетическим аспектом подразумеваются, в первую очередь, стандарты красоты Китая. Их изучение играет большую роль для исследования, поскольку именно стандарты, к которым люди стремятся, определяют методы, которыми они будут их достигать. Стоит отметить, что идеал красоты не всегда подразумевает физическое здоровье организма. Этот факт говорит о том, что оба аспекта — медицинский и эстетический — могут находиться как в тесной связи друг с другом, так и преследовать абсолютно противоположные цели. Изучение стандартов красоты в Китае обусловило актуальность работы: заметно изменялись лишь стандарты, связанные с такими физическими параметрами, как рост, размер стопы, объем груди, полнота тела. В то же время идеалы относительно состояния кожи не претерпевали значительных изменений, поэтому можно утверждать, что рецепты древности могут быть использованы для достижения идеала и по сей день, о чем свидетельствует найденная соответствующая литература и интернет-блоги с различными рецептами косметических продуктов из натуральных компонентов. Это дает основание говорить о том, что терминология традиционной китайской косметологии может быть использована и сегодня.

Было выявлено, что терминология традиционной китайской косметологии носит открытый характер и затрагивает термины из других областей, например, идеологии и религии (буддистская, даосская терминология). Она находится в постоянном развитии: основными факторами, оказывающими влияние на формирование терминологической системы в традиционной китайской косметологии, являются прогресс в области медицины, а также развитие и изменение эстетических критериев. Кроме того, косметологическая

терминология тесно связана с таким явлением, как языковая картина мира: что свойственно и обыденно для одного народа, может быть непонятным и отсутствовать в картине мира народа другого.

Можем сделать вывод, что за счет взаимодействия трех факторов — эстетического и медицинского аспектов, а также языковой картины мира народа, — терминология традиционной китайской косметологии будет обладать рядом особенностей, которые могут служить основанием для классификации терминологического списка, который будет составлен на основе данного исследования.

Таким образом, терминологию традиционной китайской косметологии можно охарактеризовать следующим образом:

- к терминам традиционной китайской косметологии относятся медицинские и эстетические категории;
- терминология включает слова, свойственные идеологии и религии (буддистская, даосская терминология);
- терминология данной области также включает лексику, не имеющую аналогов в других языках, что обусловлено картиной мира;
- слова, определяющие духовную красоту человека и его души, также будут относиться к терминологии традиционной китайской косметологии;
- за одним понятием могут стоять разные термины;
- термины могут обладать скорее культурологическим характером, чем медицинским.

Научный руководитель — ст. преп. Т. Г. Завьялова

Ономатопея в корейском языке

Е. А. Лебедева

Новосибирский государственный университет

Ономатопея, или звукоподражательная лексика (*ыйсоньо*), — это уникальнейшее языковое явление, которое обнаруживается в любом языке. Ономатопея — это закономерная непроизвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом) [Базылев, 2009. С. 126]. Другими словами, под ономатопеей подразумевается лексическая единица, которая воспроизводит звуки живых существ, объектов окружающей действительности, природы, животных и т. д. Неразрывно с звукоподражаниями сосуществуют и звукосимволизмы (*ыйтхэо*). Звукосимволизмы — это лексические единицы, с помощью которых описывается эмоциональное и физиологическое состояние людей, движение объектов окружающей действительности и т. д.

Долгое время звукосимволическую и звукоподражательную лексику изучали как единое целое, лишь в 60–80-х гг. XX века была составлена универсальная классификация звукоподражаний на основании их денотатов. Научный фундамент для изучения звукоподражательной лексики заложил С. В. Воронин, создавший науку — фоносемантику.

Звукоподражаний в корейском языке много. Изучение ономатопеи корейского языка интересно с точки зрения практической важности, потому что на сегодняшний день отсутствуют словари звукоподражаний, а более изученным пластом лексики являются звукосимволизмы. Кроме того, звукоподражательная лексика является исконно корейской, поэтому в ней отражены культурные особенности, отличия в видении мира и сама картина мира корейцев. Изучение ономатопеи позволяет прочувствовать мир звуков, в котором существует этот народ.

Одним из первых советских исследователей, занимающихся изучением звукоподражаний, стал А. А. Холодович, который относит данный пласт лексики к наречиям, как и Г. И. Рамстедт и другие исследователи.

На основании отобранного для исследования материала корейские звукоподражания можно классифицировать по нескольким категориям:

- 1) звуки животных: 꿀꿀 *ккульккуль* «хрю-хрю»;
- 2) механические и технические звуки: 뽕뽕 *ппаньппань* «би-би»;
- 3) звуки национальных инструментов: 동당 *донъдань* «звук каягыма»;
- 4) звуки, издаваемые людьми: 엉엉 *онъонъ* «плач»;
- 5) звуки природы: 주룩주룩 *чурыкчурык* «звук капель дождя».

Несмотря на довольно конкретные значения лексических единиц, многие корейские звукоподражания обладают одной уникальной отличительной чертой — звуковым символизмом. Звуковой символизм подразумевает под собой изменение оттенков значения слова в зависимости от употребления определенных разновидностей гласных и согласных. Так, все гласные звуки корейского языка делятся на «темные» (ㅏ «о», ㅓ «у», — «ы») и «светлые» (ㅑ «а», ㅜ «о»), обозначающие более сильные и более слабые звуки соответственно.

Например, 짹짹 *ччанччан* «звук, появляющийся при неаккуратном поглощении пищи» и 짹짹 *ччопччоп* «очень громкий звук при неаккуратном поглощении пищи». Согласные звуки корейского языка могут удваиваться или быть придыхательными. Например, звуки ㄱ «к», ㄱㄱ «кк», ㅋ «кх». В зависимости от чередования согласных разных по интенсивности, меняется и оттенок значения, передаваемого данной лексемой, а именно, высота, размер предмета, плотность предмета и т. д.

Например, ㅍㅏㅏㅍㅏㅏ *пхадакпхадак* «хлопанье крыльев» и ㅍㅏㅏㅍㅏㅏ *пхаттакпхаттак* «очень интенсивное хлопанье крыльев».

Функции звукоподражания: эмоционально-экспрессивная; дескриптивная (описательная), с помощью которой можно описать пространство, дать характеристику героям текста; экономия языковых средств.

Перевод звукоподражания на другой язык — сложнейшая задача, так как необходимо сохранить не только лексическое значение, но и прагматическое, т. е. образность. Основными способами перевода звукоподражаний являются: поиск эквивалента; транслитерация; замена части речи; описательный способ.

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. В. Кутафьева

Концепт степи в романе Цзян Жуна «Волчий тотем»

А. А. Логачева

Новосибирский государственный университет

Конец XX — начало XXI в. характеризуются увеличением интереса к литературе Китая со стороны читателей других стран. Многие китайские писатели становятся всемирно известными, их произведения переводятся на многие языки мира, а сами авторы удостоены различных литературных наград. Не исключение и интерес к современной китайской литературе в России.

Роман Цзян Жуна «Волчий тотем» [1], опубликованный в 2004 г., практически сразу после публикации обретает огромную известность и на протяжении нескольких лет входит в список бестселлеров в Китае, став предметом бурного обсуждения [2]. Выбор данного произведения для нашего анализа объясняется его популярностью как в самом Китае, так и за рубежом.

Действие романа разворачивается в 60-е годы XX в. В разгар «культурной революции» главный герой произведения студент Чэнь Чжэнь вместе с другими молодыми интеллигентами добровольцем отправился в степи Внутренней Монголии. Во время работы в производственной бригаде вместе с монголами-скотоводами студенты знакомятся с культурой, обычаями и верованиями коренных монголов, шаг за шагом приспосабливаясь к жизни кочевников, познавая существующую в монгольских степях связь между людьми и природой.

В отечественной науке немало внимания уделено художественному осмыслению степи русскими писателями (М. Пришвин, М. Шолохов, А. Платонов, К. Паустовский, А. Чехов). Что касается китайской литературы, то материала на тему описания природы не так много. В основном описание степи встречается в поэзии (Ду Фу, Тао Юаньмин и др.) [3].

Целью нашего исследования является анализ содержания литературного произведения «Волчий тотем», изучение концепта степи в романе, а также выявление его роли и функций в произведении.

Степь Элунь — связующее звено между ее обитателями, центральными из которых выступают волки и люди. Она не просто является отражением культуры монголов, воплощением их свободной жизни, их чаяний и сурового духа, но и служит своеобразной декорацией, благодаря которой читатель сильнее и отчетливее может прочувствовать все повороты сюжета. Каждое столкновение человека с природой ведет к определённым экологическим и социальным последствиям, которые подробно изложены автором. Так, например, скотоводы бережно охраняют некоторые ценные участки земли

с травой, чтобы выжить, если разразится стихия. Автор также описывает время появления техники и развития строительства на территории степи, что приводит к плачевным последствиям из-за развития оседлого образа жизни: волки покидают степь, разрастается количество грызунов, антилоп, масштабно развивается скотоводческая деятельность, степь практически прекращает свое существование.

Писатель описывает сложную взаимосвязь между степью, волками и людьми, которую сложно понять человеку, не ощутившему на себе тяготы жизни кочевника (или как минимум не прочитавшему этот роман): «Между волками и местными жителями существует некая таинственная связь и, возможно, разобравшись в ней, удастся понять степь и живущих в ней людей», — пишет автор в романе [1, с. 23]. Цзян Жун сам был непосредственным участником многих событий, описываемых в книге, так что его произведение является автобиографическим.

Роман Цзян Жун «Волчий тотем» дает широкую панораму традиционного образа жизни монголов в момент его трансформации, которая презентуется читателю в том числе через концепт степи. Литературное произведение является источником для понимания культуры монголов-кочевников Внутренней Монголии, их жизненных ценностей, где степь является не просто природным пространством, а представляется монголами одушевленным участником их жизни.

---

1. *Цзян Жун*. Волчий тотем / Пер. с кит. Н. Ю. Агеева. М.: ООО ТД «Издательство Мир Книги», 2007. 544 с.

2. *Цзян Жун*: Час волка // Магазета. URL: <https://magazeta.com/2008/04/czyan-zhun-chas-volka-2/>

3. *Шулунова О. В.* Концепт «Природа» в творчестве поэтической группы «Они» // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. Октябрь. URL: <https://research-journal.org/languages/koncept-priroda-v-tvorchestve-poeticheskoy-gruppy-oni/>

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент С. В. Алкин

**Китайская рукопись X века «Спор Чаю и Вина»:
художественные особенности и идейное содержание**

Г. В. Осипов

Новосибирский государственный университет

Чай и вино как два важнейших цивилизационных напитка, будучи тесно связанными с обычаями, традициями, мировоззрением, системой ценностей и религиозными практиками, с древности оказывали значительное влияние на формирование ритуалов в жизни китайского этноса. Эти напитки глубоко укоренились в культуре, а выражение отношения к ним стало важным мотивом китайской поэзии и прозы.

Ярким примером использования персонифицированных образов данных напитков служит произведение «Спор Чаю и Вина» (茶酒论 «Ча цзю лунь»), созданное литератором и ученым-книжником Ван Фу в конце X в. Манускрипт был обнаружен французским синологом Полем Пельо в июне 1908 г. во время обследования Дуньхуанских пещер в Западном Китае (пров. Ганьсу) среди большого количества памятников даосской, буддийской и конфуцианской философской мысли. Идейное содержание этого дидактического текста отражает мировоззренческие особенности основных религиозно-философских учений Китая.

«Спор Чаю и Вина» — небольшой текст в 1035 иероглифов, построенный в форме диалога двух сторон о роли, функциях и достоинствах каждого напитка. Спор завершается выступлением еще одного участника — Воды, которая и примиряет противоборствующие стороны. Текст, изобилующий литературными аллюзиями и отсылками к историческим прецедентам, написан с использованием рифмы и элементов изящного парного стиля ритмической прозы. Большинство китайских исследователей полагает, что он создан в жанре 变文 *бяньвэнь* — смешанном поэтико-прозаическом жанре буддийского характера, но при этом светского содержания. Основным отличием текста «Спор Чаю и Вина» от схожих по жанру, тематике и сюжету произведений состоит в том, что в его содержании прослеживается синкретизм основных религиозно-философских учений Китая — конфуцианства, даосизма и буддизма.

В работе сделана попытка проиллюстрировать взаимосвязь этих учений на основе текстологического и идейного анализа оригинального списка данного произведения, хранящегося в Национальной библиотеке Франции в Париже (Фонд П. Пельо).

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Олонхо в интегративной парадигме

М. Т. Саганар
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, г. Якутск

Олонхо — вершина словесного искусства народа *саха*, веками выкованного сказительским мастерством путем рационального, иррационального и трансцендентного мышления, в многомерном исследовании которого именно синергетика, основанная на законах коэволюции сложных систем, создает условия для сосуществования различных форм знания. В фольклористике при изучении текста *олонхо* использование рациональной методологии естественных наук позволяет соединить текст (мифологическое мышление) и универсальные законы природы, своего рода «материализуя» глубинную структуру содержания текста, тем самым вписывая их в законы Вселенной, где общие семантические структуры позволяют понять мир в единстве его сущности.

Качественным аргументом осмысления самого феномена сказительства служит фундаментальная теория относительности, оперирующая более совершенными понятиями пространства и времени, где образ мышления сказителя связан с особым состоянием многомерного восприятия. В *олонхо* возвеличивается всевышний разум, посредством которого разумно решается противоречие порядка и хаоса и устанавливается равновесие. Вся структура *олонхо*, его сюжетосложение, образная система выстраиваются вокруг этого дуалистического мировоззрения, пребывающего постоянно в динамическом равновесии. В астрофизике на динамическом равновесии создана вся современная космологическая модель Вселенной. Параллели видений наблюдаемы и в мире бесконечно малого — в теории Дирака, обнаружившей фундаментальную симметричность материи и антиматерии.

В эпической традиции *саха* живописное повествование возникновения мироздания перекликается с теорией Большого взрыва. Картина мира в *олонхо* начинает вырисовываться с подчеркнутого понятия «в начале времени», как категория логического, упорядоченного начала, постулируемый вторым законом термодинамики. Анимистические представления, где к субстанциональным первоосновам относится понятие *кут-сур* «души», сходны с волновой функцией, определяющей множественность квантовых состояний. В контексте бессмертного *кут-сур* идентичность взглядов находим и в законе сохранения энергии. Многомировая интерпретация квантовой реальности перекликается, в частности, и в мотивах трехсоставности мироздания мира *олонхо*. Модель многомира придает ясное содержание и такой важ-

ной категории, как синкретическое эпическое «сознание», сосредоточенное на устремлении по выяснению отношений собственного «Я» с окружающим миром и обществом, посредством которого идет раскрытие сознающего существа — многосоставных элементов тонкой материи. Не менее важная категория «свободы выбора», идеями которой буквально пронизана вся структура *олонхо*, также соотносится с квантовыми характеристиками многомирия. Более того, данная категория находит свое подтверждение и в принципе неопределенности Гейзенберга.

В *олонхо* через мифический объект мирового древа указывается вращение планеты вокруг своей оси, геомагнитное поле Земли. Верхний и нижний миры злых духов наделены пояснением «имеют обратные вращения». В астрофизике из девяти планет солнечной системы большая часть вращается вокруг своей оси в одну сторону, исключения составляют лишь планеты Венера и Уран (вращаются в противоположную сторону). Параллелизм представлений прослеживается и в вопросе расположения объектов, а также в характеристиках самих объектов.

Внутренняя организация содержания постоянного эпитета *абыс ишлээх-сабалаах аан ийэ дойду* «восьмиободная, восьмикрайняя мать-все-ленная» хранит в себе рациональное истолкование структуры мироздания на основе теории единого поля и репрезентируется как «с восемью орбитами видимых на горизонте, срединная мать-земля, являющаяся единственным проходом в другие миры», через структуру которой просвечивается продолжение передачи сообщения — идентично повторяющиеся и в сторону более высоких наслоений, связанных между собой иерархически.

Интересно мировоззрение эпического наследия в антропологическом повороте, где обладающий разумом и языком человек может одухотворить предмет, наделить его *иччи* «духом-хозяйном». Данное неизменно первостепенное традиционное сознание *сах* обретает качественную подлинность с позиции квантовой физики, названного антропным принципом участия.

Итак, *олонхо* — многоуровневый, многомерный объект. Заложённая в нем сложная система может быть описана в виде модели материальной структуры путем синергетического подхода, где иррациональное в одной системе может объясняться рациональным в другой, посредством чего достигается универсальное смысловое единство.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. В. В. Илларионов

**Сложные существительные с координативными отношениями
(двандва) в системе словообразования японского языка**

В. С. Соколова

Новосибирский государственный университет

Лексика — самая подвижная часть языковой системы. За время существования японская лексика претерпела ряд изменений вследствие проникновения в японский язык заимствований из китайского и других языков.

Сложные слова в японском языке не только многочисленны, но и разнообразны. Они возникают в результате действия разных словообразовательных процессов и обслуживают различные потребности общения. Среди сложных слов японского языка особое внимание следует уделить словам с равноправным соотношением — *двандва*.

Двандва — сложное слово, компоненты которого находятся в сочинительных отношениях, и логическую связь между ними можно выразить соединительным союзом *и*. В данных словах ни один компонент нельзя назвать ни главным, ни подчинённым.

Само понятие *двандва* имеет свои корни в индийской мифологии, в которой разрабатывается тема божественной игры и охватываются не только представления о времени и пространстве, но и о полярных противоположностях, таких как наслаждение и боль, добродетель и порок. Противоположности (*двандва*) свет и тьма, добро и зло, наслаждение и боль составляют существенные элементы игры.

Сложные слова как важнейшее явление в древнеиндийских языках изучались уже в древности. Индийская грамматическая традиция связана с именем Панини, автора восьми книг грамматических правил. Именно Панини впервые разделил сложные слова на несколько видов, подробно рассмотрел каждый из них и выделил явление *двандва*, которое отнёс к четвёртому виду сложных слов. В переводе с санскрита оно означает «два и два».

В ходе исследования нам удалось установить, что среди *двандва* большое количество слов составляют китаизмы (*канго*), заимствованные из китайского языка.

Явление *двандва* характерно не только для восточных языков, но и для европейских, например, для датского и современного греческого языка. В греческом языке широко распространены *двандва*, где оба компонента являются глаголами. В датском языке это явление не настолько распространено, но, тем не менее, компонентами *двандва* могут выступать как существительные, так и прилагательные и глаголы. В русском языке подобные слова отсутствуют.

В результате проделанной работы мы установили, что в японском языке *двандва* обозначают два понятия и могут состоять как из синонимичных компонентов (手足 *тэаси* «руки и ноги»), так и из противоположных (男女 *дандзё* «мужчины и женщины»). В японском языке в качестве компонентов *двандва* могут использоваться два существительных, два прилагательных или два глагола. Сочетания компонентов типа ‘существительное’ + ‘глагол’, ‘прилагательное’ + ‘существительное’ и т. п. не относятся к словам с координативными отношениями (*двандва*). Поскольку в японском языке наиболее распространённым видом *двандва* являются слова, где оба компонента являются существительными, в данной работе мы рассматриваем именно их.

В качестве материалов для исследования мы использовали 150 слов-*двандва*, которые были выбраны нами сплошной выборкой из японско-русского словаря *Кэнкюся*. На основании проведенного анализа нам удалось создать тематическую классификацию японских *двандва*, состоящую на данный момент из 10 групп: чувства, направление, время суток, части тела, погода, семья, природа, органы чувств, быт, качества.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Н. В. Кутафьева

Ранний этап развития жанра «Ракуго» в Японии и его значение

В. А. Столбун

Новосибирский государственный университет

Слово «*ракуго*» значит «падающие слова». Один рассказчик (*ракугока*) сидит на сцене и, используя только бумажный веер и небольшую ткань в качестве декораций, рассказывает длинную и сложную комическую историю. История всегда предполагает диалог двух или более персонажей, разница между персонажами изображается изменением высоты голоса и небольшими поворотами головы.

Ракуго, которое называют японским стенд-апом, в действительности является одним из традиционных юмористических жанров в Японии. На выступлениях рассказываются шутки, связанные с японской историей и литературой. Однако в настоящее время наблюдается тенденция, когда японцам *ракуго* кажется скорее непонятным, чем смешным. Тем не менее, все, что содержит экзотику, становится популярным за пределами Японии, и жанр *ракуго* не является исключением. Современные рассказчики составляют выступления, более понятные для иностранцев, и выступают за рубежом.

Стремящихся стать рассказчиками учат в двух центрах в Японии. *Ракугока* учатся, слушая выступления своих мастеров. И хотя *ракуго* никогда не считалось высоким искусством и до недавнего времени правительство не признало его культурными наградами, сейчас *ракуго* становится все более популярным во всем мире японских развлечений. *Ракугока* проводят телешоу и выпускают DVD.

Стоит отметить, что *ракуго* чаще рассматривается как сценический жанр, как часть театра, однако в настоящем исследовании мы изучаем литературную составляющую *ракуго*. Предметом исследования выступают тексты записанных выступлений.

В данной работе мы пользуемся культурно-историческим методом исследования, а также основываемся на труде Н. И. Конрада «Кодан и *ракуго* в период Эдо» и данных цифровой японской культурной библиотеки.

Искусство *ракуго* начало свой путь во времена эпохи Хэйан с литературного произведения «Удзи дайнагон-моногатари», являющегося собранием комических рассказов небольшого размера. По легенде, дайнагон Минамото Такакуни в храме Бёдоин в Удзи давал приют путникам и просил их рассказывать захватывающие истории, из которых впоследствии он составил это произведение.

В историческом плане можно отметить, что развитию и популяризации жанра мешала установка эпохи Хэйан, когда поощрялось создание высоких

произведений, а не анекдотичных. Толчком к развитию жанра стало становление сёгунага Асикага. Именно тогда в центре внимания оказался Анракуан Сакудэн, которого Конрад назвал «истинным основателем шуточного жанра в прозе». Анракуан адаптировал свои шутки в прозе и создал сборники, восемь из которых доступны нам. Считается, что они являются истоком *ракуго*.

Следующим представителем *ракуго* можно считать мастера Цую-но Горобэя, жившего во второй половине XVII века. Свои истории он рассказывал прохожим на улице.

Позднее популярным стал Ёнэдзава Хикохати, выступавший с историями в балаганах за оградой осакского синтоистского храма Икутама. И в то же время Сикано Будзаэмон, которого приглашали в разные особняки города Эдо, прославился своими «рассказами в комнате с татами».

Именно при них, так называемых родоначальниках *ракуго*, складываются некоторые жанровые особенности: небольшой размер, главная цель — рассмешить слушателя.

Татэкава Энба — яркий представитель второго периода истории *ракуго*. Его задача состояла в том, чтобы возродить искусство, почти забытое со времен Будзаэмона. Плотник по профессии, он был известен и как талантливый писатель. Одно из его произведений «*Ракуго рокуги*» является первой теорией *ракуго*. В ней Энба классифицирует *ракуго* и выделяет шесть его видов, названия которым дает, руководствуясь традициями поэтики Японии и Китая, и снабжает их примерами.

После реформ 1794 года жанр оказался под угрозой. Власти считали, что содержание *ракуго* ставит под сомнение общепринятые нормы морали и выставляет безнравственность в привлекательном свете. Тем не менее, настойчивость истинных любителей жанра заставила власти смягчиться: в 1816 году были разрешены рассказы *ракуго*, основанные на древних легендах и сказаниях о самураях, а также рассказы, в которых описывалась почитательность детей к родителям.

Начальный этап развития *ракуго* примечателен не только складыванием его как жанра, но и появлением письменных памятников, свидетельствующих о самом его существовании и иллюстрирующих эволюцию жанра. Многие исполнители *ракуго* не оставляли рассказы в устной форме, они записывали их, составляя сборники. Впоследствии ученики мастеров и будущие *ракугока* при создании своих собственных выступлений опирались на эти сборники.

Современные исполнители сочетают традиционные и современные техники повествования. Каждое представление персонализировано и уникально и при этом в нем обязательно присутствует отсылка к прошлому.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Н. В. Кутафьева

Изменение образа Пань Цзиньянь в китайской литературе XX века

А. П. Шелдякова

Новосибирский государственный университет

Пань Цзиньянь — героиня китайской классической литературы. Впервые она появилась в одном из четырёх великих китайских романов «Речные заводы» Ши Найяня. Затем автор под псевдонимом «Ланьлинский насмешник», взяв за основу историю Пань Цзиньянь и Симэнь Цина, написал знаменитый роман «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй». Ши Найянь под влиянием неоконфуцианских идей в феодальной этике, которые строго критиковали чрезмерное проявление интимной жизни и прелюбодеяния, создал образ порочной женщины Пань Цзиньянь. В середине династии Мин с зарождением капитализма стало расти стремление людей к наслаждению и роскоши, они начали ставить под сомнение идеи неоконфуцианства о сохранении моральных принципов и уничтожении плотских желаний, признавая мысль о целесообразности чувственных желаний каждого человека. В эту эпоху «Ланьлинский насмешник» превратил Пань Цзиньянь в образ, в котором сводились в один образы порочной, ревнивой и жестокой женщин.

В китайской литературе Пань Цзиньянь стала особым персонажем. Её образ с самого начала собрал в себе богатое культурное содержание и был полон этической напряженности. До XX века образ Пань Цзиньянь сохранял в себе черты распутной и жестокой женщины, все поступки которой осуждались моралью. Однако в XX в. в столкновении китайской и западной культур, с трансформацией старой и появлением новой культуры китайские интеллектуалы XX в. пришли к новому пониманию многих явлений. Движение «4 мая», защищавшее демократию и науку, выступало за новую мораль и противодействие старой. Это повлияло на то, что образу Пань Цзиньянь стали придавать иные характеристики.

Впервые новый образ Пань Цзиньянь предстал в драме «Пань Цзиньянь» известного драматурга и режиссёра-постановщика Оуян Юйцяня, которая была опубликована в 1928 г. Автор взял за основу драмы сюжет, представленный в «Речных заводах». В его произведении Пань Цзиньянь претерпела коренной переход от образа злодейки к образу оскорбленной жертвы. Она не подчинилась своему хозяину, желавшему сделать её своей наложницей, за что была насильно выдана замуж за нелюбимого ею человека. Оуян Юйцянь показал процесс развития персонажа от борьбы из последних сил до совершения преступления, от безвинной девушки

до виновной. Автор продемонстрировал подавление и угнетение женщин в патриархальном обществе, что, несомненно, совпало с лозунгом, призывавшим к освобождению женщин в период движения «4 мая». Новый образ Пань Цзиньянь был беспрецедентным. Драма вызвала большую дискуссию во всех сферах жизни.

С момента основания КНР до 1978 г. Пань Цзиньянь, когда-то чувствительная тема и спорная фигура, не обсуждалась из-за особой политической обстановки в Китае. Начало проведения политики реформ и открытости сломало идеологические табу. Вопросы брака и любви современных китайских женщин, которые ранее не осмеливались затрагивать, стали входить в сферу обсуждений. Пань Цзиньянь вновь привлекла внимание многих авторов. В 1986 г. знаменитый драматург Вэй Минлунь написал и поставил пьесу «Пань Цзиньянь». Её сценарий так же опирался на эпизод из «Речных заводей». В центре сюжета — суд над Пань Цзиньянь, на котором такие персонажи различных эпох и стран, как Танская императрица У Цзэтянь, Ши Найань, Цзя Баоюй, Анна Каренина, женщина-председатель народного суда и др. обсуждали виновность Пань в преступлении. В этом произведении Пань Цзиньянь — это слабая девушка с трагической судьбой. По мнению Вэй Минлуна, именно порядки феодального общества стали причиной убийства девушкой её мужа. Пьеса стала громким антифеодальным криком, разоблачением жестокой феодальной и восхвалением передовой социалистической системы, при которой женщины стали более свободными и независимыми.

Кроме того, иную интерпретацию Пань Цзиньянь получила в таких произведениях, как «Прошлое и настоящее Пань Цзиньянь» (1989 г.) Ли Бихуа, «Побег Пань Цзиньянь из города Симэнь» (1986 г.) Янь Лянькэ, «Воспоминания Пань Цзиньянь» (1986 г.) Хэ Сяочжу и др.

Таким образом, во всех произведениях переписывание образа Пань Цзиньянь — это процесс уничтожения символа «прелюбодейки». Каждая запись Пань Цзиньянь неразрывно связана с культурным контекстом эпохи. Это говорит о том, что данный образ обладает богатым содержанием, способным отражать различные общественные явления.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Неологизмы в китайском языке

П. И. Шестакова

Новосибирский государственный университет

Развитие языка в значительной степени можно объяснить развитием его словообразовательной системы, становлением новых словообразовательных моделей слов, изменением существующих, увеличением или уменьшением их продуктивности и другими факторами образовательного процесса.

Вследствие возникновения новых реалий и понятий встает проблема обозначения новой лексики в речи, перевода с одного языка на другой для поддержания и развития межкультурной коммуникации, а также проблема классификации неологизмов, анализе источников их возникновения и специфики их образования. В связи с этим китайский язык нуждается во всестороннем анализе неологизмов, что обуславливает актуальность данной работы.

Появление неологизмов связано с различными процессами, происходящими как в мире, так и в конкретной стране. В китайском обществе происходили и происходят бурные изменения, Китай отличается своей открытостью внешнему миру, он вовлечен в процесс глобализации и процесс развития науки и техники.

Помимо постоянного обновления реальности и расширения познавательных возможностей, можно назвать еще один немаловажный фактор – это процессы изменения и развития внутри самого языка. Новые слова и выражения обычно имеют три основных источника: развитие общества, развитие человеческого познания и развитие самого языка.

Большое количество неологизмов, появившихся за последнее время в языке, позволяет нам выявить конкретные типы новых слов и создать их детальную классификацию. Разные лингвисты имеют свой подход к пониманию и созданию типологии неологизмов, основываясь на собственных лингвистических суждениях. Лексические новообразования крайне разнообразны, а типология неологизмов может быть создана на основе различных признаков, свойственных этим единицам.

Проанализировав доступные нам классификации неологизмов, мы пришли к выводу, что единого мнения среди специалистов нет, однако существуют определенные критерии классифицирования новой лексики. На этом основании мы предприняли попытку разработать свою классификацию, которая отражает наиболее важные свойства новой лексики. Так, неологизмы можно разделить по целям, условиям и способам их появления.

В зависимости от цели образования новых слов неологизмы делятся на номинативные и стилистические. Номинативные неологизмы являются на-

званиями новых явлений и понятий, которые возникли в результате развития общества или технического прогресса. Стилистические образуются от уже ранее существующих слов и имеют синонимы.

По способу появления их в языке можно выделить семантические и лексические неологизмы. Образование семантических неологизмов происходит вследствие приобретения другого лексического значения у уже ранее известных слов. Лексические неологизмы образуются путем заимствований из иностранных языков или благодаря конкретным моделям слов.

Условия возникновения новых слов также имеют большое значение, неологизмы подразделяются на общезыковые и индивидуально-авторские. Появление общезыковых неологизмов происходит одновременно с возникновением нового предмета или явления. Характерной чертой такого типа неологизмов является их повседневное употребление. Индивидуально-авторские неологизмы создаются и вводятся в язык конкретными авторами, позднее часть из них переходит в разряд активной лексики.

Анализируя новую лексику китайского языка, мы можем выделить ее главные особенности. Большинство неологизмов являются сложными словами. Быстро распространяется процесс сокращения слов и словосочетаний.

Среди новой лексики также выделяют особый вид неологизмов — неосемантизмы, или старые слова, которые приобрели новое значение. Например: 充电 *чундянь*, первоначальное значение «перезаряжать элементы питания», новое значение «переподготовка кадров».

В китайской лексике ежегодно появляется большое количество иностранных заимствований, интернет-лексики и так называемых 字母词 *цзымуцы* «буквенных слов». Например: 迷你 *мини* «мини; маленький», 可口可乐 *кэкоукэлэ* «кока-кола» — заимствования из английского языка; 炒更 *чаогэн* «подрабатывать», 侃大山 *каньдашань* «болтать, сплетничать» — заимствования из диалектов; 黑客 *хэйкэ* «хакер», 电子邮箱 *дяньцзюсян* «электронная почта» — заимствования из Интернета.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Н. В. Куцафьева

Ономатопея в современной китайской художественной литературе и ее перевод на русский язык

Е. А. Якуб

Новосибирский государственный университет

Ономатопэтические слова, иначе — изобразительные слова или звукоподражания, встречаются во всех языках мира. В одних языках эта система представляет собой более развитый пласт лексических единиц, в других количество подобных структур меньше, однако при фундаментальном изучении языковых единиц данный феномен нельзя оставить в стороне.

Ономатопэтические слова являются не только имитацией неречевых комплексов звуков при помощи фонетических средств языка, но и выражают ассоциативное мышление народа, способны передавать мироощущение этнических групп, что находит непосредственное отражение в языке.

Явление ономатопеи не чуждо и китайскому языку, однако сам термин появился в китайской лингвистике относительно поздно. В 1951 г. на страницах журнала «Беседы о стилистической грамматике» китайские лингвисты Люй Шусян и Чжу Дэси впервые употребили термин 象声词* *сяншэнцзы*, эквивалентный понятию «звукоподражание» в отечественной лингвистике.

Частота повторяемости изобразительных слов в китайском языке сопоставима с показателями других языковых единиц. Для китайского языка характерно наличие ономатопэтических слов как в повседневной разговорной речи, так и в письменном языке.

Мы рассматриваем использование звукоподражаний в текстах современной художественной литературы на китайском языке.

Ономатопэтические слова в китайском языке обладают некоторыми характерными особенностями, отличающими их от аналогичных лексических единиц в других языках.

С фонетической точки зрения звуковая оболочка звукоподражаний обусловлена фонетической системой рассматриваемого языка. Так как фонетическая система китайского языка не является достаточно гибкой, количество слогов в ономатопах, как и в других частях речи, ограничено количеством слогов, предусмотренных нормативным вариантом языка.

С точки зрения морфологической структуры особенность звукоподражаний китайского языка заключается в том, что слог в ономатопе может ре-

---

* *Чжао Айю*. Цзинь 20 нянь ханьюй сяншэнцзы яньцзю цзуншу [近20年汉语象声词研究综述]. Обзор научных исследований ономатопов китайского языка за последние двадцать лет. Ухань: Ухань дасюэ сюэбао (жэньвэнь кэсюэ бань), 2008. № 2. С. 180–185.

дублироваться больше одного раза, что нехарактерно для других частей речи китайского языка.

При рассмотрении синтаксической функции было выявлено, что звукоподражания китайского языка наиболее часто выступают в функции обстоятельства образа действия.

Вторая часть нашего исследования посвящена выявлению способов перевода звукоподражаний китайского языка на русский язык.

На основе корпуса, составленного нами из девяти текстов современной художественной литературы на китайском языке и их переводов на русский язык, были выявлены наиболее распространённые переводческие техники. К ним относятся приём грамматической замены, описательный перевод и приём подбора функционального эквивалента. Несмотря на то, что приём грамматической замены является наиболее распространённой техникой, к которой обращаются переводчики, важно отметить, что при переводе на русский язык переводчики стремятся использовать слова, этимологически восходящие к звукоподражаниям.

Проведённый анализ перевода звукоподражаний китайского языка на русский язык в рамках художественного текста показал, что переводчики стремятся не только сохранить содержание исходного текста, но и стараются передать его отличительные черты, сохранить образность текста, его эстетику, авторский стиль. Этой цели можно достичь путём обращения к возможностям, которые предоставляет переводчикам структура языка перевода.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Н. В. Кутафьева

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 72.01

Организация погребальных комплексов Чосона: теория и эстетика

И. И. Акимова

Новосибирский государственный университет

Эстетика и теория организации погребальных комплексов Корейского полуострова берет свое начало в эпоху Корё (935–1392), ярким примером которой является захоронение Конмин-вана (1352–1374) и его супруги Ногук [1, с. 529]. Однако наивысшего развития принципы методик расположения комплексов достигают в эпоху Чосон (1392–1897).

Для данного исторического периода характерно активное распространение буддизма, проникнувшего на территорию Кореи еще в VI в. и оказавшего огромное влияние на развитие архитектуры страны. Буддийская архитектура в целом была тесно связана с многовековой китайской практикой *фэн-шуй*, которая была адаптирована к корейским реалиям в IX в. буддийским монахом Тосоном (821–898). Наибольшее влияние корейская геомантия *пхунсухак* оказала на организацию пространства для погребальных комплексов. Считалось, что соблюдение всех критериев организации может привести в местность захоронения благоприятную энергетику.

Следуя этим представлениям, погребальный комплекс должен был быть расположен в местности, где с северной стороны находится гора, у которой самый высокий пик в горной цепи; с восточной и западной — горная гряда или горная цепь, с южной — водный источник. Горы, в свою очередь, подразделялись на «главные» *сесан* и «образцовые» *хёнсан*. «Главные» горы обладали неблагоприятной для человека энергией, «образцовые», наоборот, считались наиболее подходящими для мест захоронений [1, с. 544]. Более того, горы выбирались по показателю энергетической активности — «высокому» *тэган* и «малому» *чонмэк* [2, с. 6]. Горная цепь обязательно должна была обладать достаточной концентрацией энергии *нэрёнмэк*, способной обеспечить защиту от злых духов не только всему комплексу, но и первостепенно важному месту, где всегда должна была циркулировать благоприятная энергетика, *мёндан*. В таких точках располагали могильный холм *нынчхим*, в котором находилось захоронение усопшего монарха.

Энергетический поток *нэрёнмэк* формировал вокруг пространства могильного холма особое «кольцо», которое также поддерживалось за счет четырех сторон: северной стороны «черной черепахи» *хёнму* (оберег от «злых» северных ветров), восточной стороны «синего дракона» *чхоннён*,

западного направления «белого тигра» *пэххо* и южной части «красной птицы» *чуджак*. Каждая из сторон обеспечивала энергетический баланс пространства могильного холма и привносила лишь благоприятный поток энергии. Если по каким-то причинам одна или несколько сторон не были реализованы, это могло повлечь за собой различные беды и невзгоды не только в загробную жизнь вана, но и в судьбу последующих поколений (например, безбрачие, ранняя смерть, свержение с престола, окончание династической линии) [2, с. 20].

Погребальный комплекс эпохи Чосон также считался местом обитания «животной/низшей» души правителя *пэк*. Он представлял собой «последнюю резиденцию» вана, именно поэтому строительство проводилось в соответствии с установленным регламентом. При строительстве использовались лишь природные материалы (камень, дерево, почва), чтобы подчеркнуть гармоничную организацию человеческой деятельности с окружающим миром. Каждый комплекс являлся отражением особого отношения и связи между усопшим и природой.

Таким образом, первоочередная задача эстетической и теоретической концепции расположения погребальных комплексов эпохи Чосон заключалась в нахождении и изучении местностей с наиболее благоприятной для души покойного вана энергетикой, которая не только облегчит ему жизнь в загробном мире, но и плодотворно скажется на судьбе последующих поколений. Исходя из этого, многие представители династии Ли еще при жизни начинали поиски мест для своих будущих захоронений.

Погребальные комплексы Чосона, будучи символами власти и могущества правящего рода, расположены более чем на 25 различных точках в окрестностях Сеула. Наиболее известным и масштабным из них является парк «Девяти гробниц на Востоке» *Тонгурын*, в котором покоятся 17 монарших особ [1, с. 531]. С 2009 г. данный комплекс занесен в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО.

---

1. *Симбирцева Т. М.* Владыки Древней Кореи. М.: РГГУ, 2012. 640 с.

2. *Пак Кёнджон.* Тонгурыный пхунсуджириджок кочхаль. Анализ местности парка Тонгурын с точки зрения теории пхунсу. Сеул: Кёнгидэхаккё, 2007. С. 1–23 (на кор. яз.).

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент С. В. Алкин

Служебные слова в составе чэньюев на примере романа Шэнь Жун

Б. Т. Аранзаева

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

К настоящему времени в российском китаеведении накоплен богатый опыт исследования грамматики современного китайского языка, достижения московской и Санкт-Петербургской синологических школ позволяют говорить о том, что отечественная наука находится на мировом уровне лингвистических исследований.

Общепризнанным считается, что основные проблемы китайской грамматики решены. Подтверждением могут служить фундаментальные труды отечественных ученых А. А. Драгунова, В. М. Солнцева, В. И. Горелова и работы китайских лингвистов Ли Цзиньси, Ван Ли, Люй Шусяна, Чжао Юаньжэня.

Итак, к служебным частям речи в китайском относятся: предлоги, союзы, частицы, счетные слова, послелогои. Есть ещё одна категория служебных слов, которые не относятся ни к одной из приведенных выше. Для удобства буду называть их – специальные служебные слова.

Проблема анализа особенностей функционирования фразеологических единиц в художественном тексте относится к числу актуальных в современной лингвистике. Функции фразеологических единиц в тексте обусловлены системными свойствами фразеологизмов: структурной раздельнооформленностью, асимметрией формы и семантики как результата метафоризации и абстрагирования от значения деривационной базы, образностью, семантической емкостью, коннотацией, а также способностью к окказиональным структурно-семантическим модификациям.

Безусловно, есть место чэньюям и в современной литературе. Поэтому мы решили рассмотреть служебные слова в составе чэньюев на примере романа Шэнь Жун «**减去十岁**» («Минус десять лет»).

Проанализировав текст романа, мы обнаружили около 60 чэньюев, но решили заострить внимание на некоторых из них. Было выявлено 17 чэньюев, в составе которых имеются служебные слова. Ниже представлен список таких чэньюев:

言之有理 — справедливо (логично) сказано; резонное (толковое) рассуждение.

貌不惊人 — посредственный; заурядный (*о внешности*).

事无巨细 — большое ли малое дело, браться за любое дело.

而立之年 — тридцатилетний возраст (от **三十而立**).

不约而同 — не сговариваясь, все как один; как по уговору; *жарг.* так долго ни с кем не встречался, что стал гомосексуалом.

饥不择食 — когда голодны — едят всё без разбора (обр. в знач.: быть неразборчивым, хвататься за все, что попало).

想入非非 — забытья, унести куда-то мыслями, замечтаться, мечтательный.

心不在焉 — отсутствующий (мыслями), рассеянный, невнимательный, поглощённый мыслями, озабоченный.

不知所措 — не знать, как поступить; растеряться; в недоумении.

喜从天降 — манна небесная (обр. в знач.: неожиданная радость).

目不忍睹 — невыносимо глядеть, тяжело смотреть.

不依不饶 — 1) упорствовать, настаивать на своем, не отставать, не униматься;

2) привязываться, приставать; неотвязный, назойливый.

举棋不定 — взяв в руку шашку (в 围棋), не решаться [куда её поставить] (обр. в знач.: быть в нерешительности, колебаться).

手足无措 — руки и ноги не знают, что предпринять (обр. в знач.: растеряться, оказаться беспомощным).

比比皆是 — это наблюдается повсюду, это имеет место на каждом шагу.

生不逢时 — родиться под несчастливой звездой.

板上钉钉 — обязательно, несомненно; решено раз и навсегда; не подлежащий обсуждению.

Проанализировав данные чэньюи, мы можем разделить их на группы по частоте использования тех или иных служебных слов. Таким образом, самым часто используемым служебным словом в составе чэньюев на материале романа «Минус десять лет» является служебное слово — 不 (9 чэньюев), который имеет значение отрицания. На втором месте находятся служебные слова 之 и 无 (по два чэньюя) и заключительной группой являются чэньюи, в составе которых имеются такие служебные слова, как: 而, 非, 比, 从 и 上.

Итак, по результатам проведенного анализа были выявлены следующие особенности служебных слов в составе чэньюев.

Чэньюев со служебными словами довольно много, несмотря на то что их употребление в составе чэньюев кажется не совсем уместным. Подводя итог анализа, мы выявили, что служебные слова с древности и по сей день остаются неотъемлемой составляющей китайского языка и в какой-то степени облегчают понимание тех или иных оборотов для иностранцев.

Существуют такие служебные слова, которые используются чаще остальных. Причиной этого является их простота и универсальность.

Все вышесказанное дает нам понять, что фразеологизмы в китайской лексике и языке в целом, занимают далеко не самое последнее место и даже являются одним из самых важных пунктов для понимания национальной культуры и быта народа.

Научный руководитель — И. Д. Алексеева

**Трансформация образа девятихвостой лисицы *кумихо*
в современном корейском кинематографе**

А. А. Балашова

Новосибирский государственный университет

Легенды о лисах-оборотнях встречаются в культуре всех стран дальневосточного региона. Однако в каждой стране образ лисицы наделялся своими особыми чертами и способностями. В Корее лису, способную превращаться в человека, называли 九尾狐 *кумихо* (букв. «лисица с девятью хвостами»). По легенде, прожив тысячу лет, лисица отрачивает девять хвостов и обретает возможность перевоплощаться в любое существо или предмет. В отличие от Японии, где духи лис могли иногда помогать людям, в Корее образ *кумихо* долго носил негативный характер. Уже во времена династии Корё (X–XIV вв.) образ лисы отождествлялся с пороком и вредительством. Во многих источниках встречаются упоминания о том, что лисицам поклонялись как сакральным животным. Несмотря на то что некоторые сюжеты о лисах были заимствованы из Китая, само изображение лисы-*кумихо* оставалось самобытным. В отличие от Китая, где лисы использовали для получения магической энергии кровь или семя своих жертв, в Корее подобными источниками являлись печень или сердце. Лисы-*кумихо* с помощью «лисей бусины» *ёу кусиль* отнимали энергию у жертвы. Во многих сюжетах девятихвостые лисы являли собой угрозу человеку и ассоциировались со злыми силами.

В современной корейской культуре можно наблюдать трансформацию образа девятихвостой лисицы. В фильмах и сериалах 1990–2015 гг. лисы перестают быть лишь воплощением зла, а наделяются способностью любить человека, жертвовать собой ради любви. При сохранении традиционного изображения *кумихо* ее характер меняется. Главной причиной такого изменения можно считать влияние так называемой корейской волны *халлю*. Позитивизация образа *кумихо* способствует привлечению интереса зрителей не только к современной, но и к традиционной культуре Кореи. Стоит также отметить глобальную тенденцию к романтизации демонических существ в настоящее время не только на Востоке, но и на Западе.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Презентация национальной культуры в современном японском кинематографе в условиях глобализации

А. А. Беляева

Новосибирский государственный университет

В условиях глобализации Япония испытывает потребность в выработке стабильных национальных культурных образцов, культурных кодов, которые должны стать основой духовного единства нации. Их необходимо транслировать через массовую культуру, в том числе через кинематограф, который является не только одним из видов искусства, но и инструментом формирования общественного мнения и важной составляющей государственной культурной политики.

Японский кинематограф, находившийся в 1970–1980-х гг. в глубоком кризисе, с середины 1990-х гг. вновь переживает подъем. Процесс производства фильмов восстановился по большей части потому, что с целью защиты отечественного кинематографа были введены определённые квоты на закупку и прокат иностранных фильмов. Конечно, зарубежные картины попадают в японский прокат, но за последние годы их количество сократилось. С другой стороны, на иностранных рынках японское кино не имеет широкого распространения. Безусловно, отдельные произведения японских режиссеров заслужили мировое признание, но все же для иностранной публики наиболее доступным образцом массовой японской культуры являются телевизионные драмы (сериалы) и аниме. Чтобы японский кинематограф дальше развивался, ему необходимо постоянно преодолевать конкуренцию на внешнем и внутреннем рынках и все время находить новые решения в национальном кинематографическом искусстве, повышая уровень качества фильмов.

Распространена точка зрения, что глобализация культуры уничтожает уникальность и разнообразие национальных культур. Именно поэтому возникает задача защитить свою национальную культурную идентичность и обеспечить передачу культурных традиций будущим поколениям. Однако не обязательно рассматривать глобализацию как некое зло, угрожающее существованию уникальности национальной культуры. Напротив, благодаря глобальности кинопроизводства все национальные кинематографы получают возможность распространять свои образцы по всем странам мира. Таким образом, глобализация кинопроцесса включает в себе огромные позитивные возможности для национальной киноиндустрии.

Однако в реальности японское кино на данный момент не в состоянии соперничать с американским кинематографом, который фактически един-

ственный из всех национальных кинематографов смог воспользоваться позитивными возможностями глобализации кинопроизводства, благодаря чему занял доминирующее положение на мировом кинорынке. К тому же японский кинематограф имеет много проблем на внутреннем рынке: отсутствие стабильных программ государственного финансирования, популярность телевидения, аниме и видеоигр, отвоевывающих внимание аудитории. Внимания зрителей добиваются через механизмы рынка, путем жесткой конкуренции. А это означает, что продукция японского национального кинематографа должна быть конкурентоспособна и способна заинтересовать киноаудиторию. Если она не сможет выдержать конкуренции и привлечь внимание зрителей, то японский кинематограф не будет иметь возможности реализовать свой потенциал.

Для достижения популярности японскому кино необходима выработка тех способов и путей производства кино, которые бы стали своеобразной формулой успеха. И тут есть два пути. Первый — создавать универсальное кино по типу голливудского, где мало национальных культурных кодов, которое легко воспринимать в любой точке мира. Но все же у японского кино пока нет ресурсов, которые бы позволили соперничать с американским. И второй способ — создавать оригинальное кино, которое бы несло в себе своеобразие именно японского взгляда на вещи и мир, японского быта и образа жизни. Такое кино, с одной стороны, будет передавать будущим поколениям национальную культуру, а с другой будет пропагандировать в других странах бренд «Япония» и вносить свой вклад в развитие мирового кино.

Для ответа на вопрос, как передается японская национальная культура через современный японский кинематограф и передается ли она, мы отобрали фильмы, снятые в период с середины 1990-х гг. по 2017 г., получившие наивысшие рейтинги кинокритиков, самые высокие сборы во внутреннем прокате, премии Японской киноакадемии, награды на международных кинофестивалях. В основе анализа лежат два критерия — сюжет фильма (если фильм основан на истории Японии или на японском литературном источнике, то это также можно считать трансляцией японской национальной культуры) и наполненность культурными кодами, наличие/отсутствие которых мы выявили с помощью методики контент-анализа.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент Е. Л. Фролова

Нумерологические матрицы в музыкальном искусстве Китая

Д. И. Болдырева

Новосибирский государственный университет

Нумерология как важнейшая часть китайской философии лежит в основе многих культурных и календарных традиций. По определению А. И. Кобзева, это «особая теория символизационных пространственно-числовых структур», система определенных числовых матриц, которые лежат в основе культуры и искусства стран Востока [1]. Так, число 2, одно из часто встречающихся нумерологических матриц, является эквивалентом сил *инь-ян* и легко соотносится с сущностью человека, который двоичен в обладании левой и правой половинами тела.

В восточной музыкальной традиции при обилии подходов к пониманию сущности и функции музыки можно вычленить специфическое понятие о звуке. По даосско-конфуцианским представлениям, звук есть нечто всеобъемлющее, что должно поддерживать гармонию на Небе и Земле. Отсюда и особое понимание самой музыки: она есть результат работы со звуком, результат взаимодействия Неба и Земли, проявление двоичной числовой структуры. Не случайно в китайской музыке нет таких понятий, как «высота звука», «длительность» и «динамика», поскольку каждый звук представляет собой отдельно звучащую самодостаточную величину, способную иногда передать суть целого музыкального произведения (в этом смысле примечательны некоторые «сочинения», состоящие из звука одной высоты, одного тона).

Анализ нумерологических матриц в контексте изучения духовных основ восточной философии позволяет выделить важнейшие символы и числа, сложные отношения между которыми можно обнаружить и в китайской теории музыки. Так или иначе, нумерологические матрицы пронизывают теорию музыки на Востоке: в этом отношении примечательны не только пентатонная ладовая организация, система *люй-люй*, содержание монодии и многоголосия, но и количество струн на традиционных китайских инструментах — таких как цитра *цин* и лютя *пипа*. Все эти особенности показывают взаимосвязь фундаментальных нумерологических матриц как основополагающих понятий китайской философии и теоретических построений в музыкальном искусстве Китая.

---

1. Кобзев А. И. Учение о символах и числах в традиционной китайской философии. М., 1994.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент В. И. Ожогин

Роль татуировки в жизни современного японского общества

Д. С. Головешко

Новосибирский государственный университет

Рост интереса к татуировке, наблюдающийся в последние годы, проявляется не только среди молодёжи, но и среди учёных. Культурные антропологи не просто заинтересованы в том, как долго и каким образом люди по всему миру оставляют на своих телах «неизгладимые знаки», но также желают приблизиться к пониманию природы татуировки и диапазона её назначений. Несмотря на то что татуировка, в отличие от цвета кожи, разреза глаз или структуры волос, является приобретённым атрибутом внешности, по своей сути она практически неотделима от человеческого тела. Есть основания полагать, что она может иметь прямое или косвенное отношение к протекающим в обществе историко-культурным процессам, в которых участвует её носитель, или же служить неким маркером изменений, происходящих с человеком как с биосоциальной единицей [3].

Целью данного исследования является определение значимости татуировки как феномена, оказывающего влияние на жизнь современного японского общества.

Особый путь исторического развития Японии не только как государства, но и одного из очагов восточноазиатской культуры открывает исследователям глаза на многие закономерности, характерные для нынешней культурной и социальной ситуации в данной стране.

Вероятно, татуирование существует на Японских островах на протяжении многих веков. Наиболее ранние археологические свидетельства — антропоморфные орнаментированные статуэтки догу: — датируются V тыс. до н. э. В глубокой древности татуировка могла служить своему носителю оберегом, украшением или же своеобразным удостоверением личности [1]. С началом строительства государственности и усилением китайского влияния татуировка в Японии была подвергнута стигматизации, а именно сведению её статуса до атрибута внешности преступника. Вплоть до начала XVII в. татуировка в умах японцев прочно ассоциировалась с тюремным клеймом.

Эпоха Эдо (XVII–XIX вв.), её высокие темпы урбанизации, демократичная городская культура дали предпосылки для формирования менталитета современных японцев, а также традиции художественной татуировки, часто именуемой ирэдзуми. Ирэдзуми перекрывала тюремные метки, украшала тела рыбаков, пожарных, рикш, городских модников, девушек из «весёлых» кварталов. Тем не менее, из-за высокой популярности татуировки у предста-

вителей якудза по сей день ирэдзуми в глазах обывателя всё ещё остаётся атрибутом внешности преступника, что, безусловно, отражается на взаимодействии татуированных людей с японским обществом [2].

Отечественные, а также многие зарубежные исследователи японской культуры не единожды подчёркивали неприязнь японцев к татуировкам, что при наличии богатой традиции татуирования является неким парадоксом [4]. Негативное отношение большинства японцев к татуированию распространяется не только на исконно японские татуировки, но и на стили татуировки, пришедшие извне.

Авторитетные труды по культуре Японии и средства массовой информации сообщают, что люди, являющиеся носителями татуировок, часто сталкиваются с невозможностью посещения некоторых спортивных залов, общественных бань, горячих источников и прочих мест, где посетители вынуждены открывать своё тело. В настоящее время в Японии набирает обороты движение за освобождение от стереотипов негативного восприятия татуировки. Японские мастера татуировки, работающие в различных направлениях (в т. ч. и в традиционном), заявляют о своих правах на художественное самовыражение, а также утверждают, что любой человек вправе носить татуировку без страха потерять работу или показаться на людях с открытым телом. Причиной активизации подобного общественного движения является не только угроза существованию тату-индустрии в Японии, но и страх за невозможность сохранения ирэдзуми как части традиционной культуры Японии [5].

---

1. История Японии / отв. ред. А. Е. Жуков. М.: Институт востоковедения РАН. Т. 1. С древнейших времён до 1868 г. С. 33–34.

2. История японской культуры: учеб. пособие для вузов / отв. ред. А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 2011. С. 301–308.

3. *Медникова М. Б.* Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник. М.: Языки слав. культуры, 2007.

4. *Мещеряков А. Н.* Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2003. С. 477–489.

5. Did Japan just ban tattoo artists? / Cable News Network. URL: <https://edition.cnn.com/2017/10/18/asia/tattoos-japan/index.html> (дата обращения: 23.12. 2017)

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Е. Е. Малинина

Особенности корейской садово-парковой архитектуры на примере дворцового комплекса Чхандоккун в Сеуле

К. А. Демиткина

Новосибирский государственный университет

Садово-парковая архитектура как одна из областей искусства, эстетически организующая жилую среду, подразумевает тесную взаимосвязь с природой, учет применяемых материалов и организацию пространства, движения, цвета, формы в рамках окружающего ландшафта.

Ярким примером корейского садово-паркового искусства, воплощающим все указанные факторы, является дворец Чхандоккун в Сеуле, который был создан по указу вана Ли Сонге (годы правления 1392–1398). Этот комплекс дворцовых сооружений в окружении парков и прудов, построенных в полной гармонии с естественной средой, долго служил резиденцией корейских правителей.

Дворец Чхандоккун построен на горе, в соответствии с топографическими особенностями. Все сооружения дворцового комплекса построены из дерева и установлены на каменных платформах, что позволяет снять нагрузку с деревянных свай и увеличить размеры зданий. Специфика сооружений дворца определяется особенностями формы и размера крыши (простые двухскатные крыши матпэ; четырехскатные с коньком уджингак; ступенчатые «восьмигранные») пхальчак с большим выносом изогнутых карнизов), а также различными способами соединения столбов, балок и опор. Яркой особенностью дворцового комплекса Чхандоккун, символизирующей пребывание в его павильонах монарших супругов, является пятицветная роспись танчхон, которая воплощает пять первоэлементов Вселенной и украшает стены, балки, потолки и перекрытия. Большая часть архитектурных сооружений дворца заключена в симметрические группы зданий с осевым построением и внутренними дворами. Одним из главных элементов дворцового комплекса Чхандоккун является Секретный сад в задней части дворца, где гармонично сочетаются естественные горные ручьи и искусственные пруды, рукотворные беседки корейских мастеров и уголки первозданной природы. Этот сад долго использовался для разнообразных утонченных увеселений знати, военных состязаний, агрикультурных экспериментов правителей.

Изучение дворцового комплекса Чхандоккун позволяет выявить как общие закономерности восточноазиатского искусства, так и особенности, характерные для национальной корейской садово-парковой архитектуры.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

**Элементы постдраматического театра
в творчестве корейского режиссера О Тхэсока**

Е. В. Дубовицкая

Новосибирский государственный университет

В конце XX в. в европейском театре происходят заметные изменения, проявляющиеся в стремлении концептуально «оторваться» от аристотелевского традиционного театра. Немецкий теоретик Ханс-Гис Леман (р. 1944), описывая наблюдаемую тенденцию, ввел понятие «постдраматический театр» и изложил свою теорию в одноименной монографии.

Леман выстраивает логику развития западноевропейского и американского театра. В целом постдраматический театр, по Леману, — это театр, отказывающийся от опоры на драматический текст, в котором наиболее значимыми элементами постановок становятся невербальные средства. Драматический текст перестает являться сердцевиной театрального действия и служит скорее помощником в создании так называемой театральной энергетики, представляющей собой более значимый инструмент для «нового театра», не терпящего жестких рамок.

Поиск новых средств выразительности, переосмысление традиционных методов и подходов были вызваны тем, что в современном мире театральное искусство вынуждено соперничать с другими видами зрелищных искусств, такими, как, например, кинематограф. Поэтому справедливым будет вывод о том, что постдраматический театр — это, вероятно, квинтэссенция театра, результат поиска самоидентичности данного вида искусства, традиционно считающегося синкретическим, путем «отслаивания» теряющих для него актуальность составляющих.

В монографии Лемана не встречается упоминаний о практике и теории театра в странах, лежащих за пределами Западной Европы и США, однако его труд достаточно популярен и переведен на большое количество языков.

Благодаря глобализации понятие «постдраматический театр» потеряло привязку к определенному региону, в связи с чем возникла потребность в изучении этого явления в странах, не затронутых Х.-Т. Леманом в его труде.

Данное исследование представляет собой попытку выявить элементы постдраматического театра в творчестве современного корейского режиссера О Тхэсока (р. 1940).

Южная Корея, как и многие другие постколониальные государства, после деколонизации была вынуждена совершить скачок для того, чтобы ознакомиться с мировыми достижениями в различных областях, включая искусство, и применить их на практике. Так, корейская сцена с середины 1970-х

гг. становится сценой экспериментального театра. Творчество режиссера О Тхэсока, относящегося к старшему поколению корейских театральных режиссеров, представляет собой яркий пример становления корейского самобытного экспериментального театра.

Для анализа были выбраны следующие постановки: «Пуповина», «Жена Чхунпхуна», «Велосипед». После просмотра постановок и прочтения драматических текстов были выделены отдельные особенности, которые затем были соотнесены с отличительными чертами постдраматического театра.

Главная особенность работ О Тхэсока, относящая его творчество к постдраматическому театру, — это свобода от драматического текста. Режиссер активно поощряет актерскую импровизацию, рекомендует доверять индивидуальным импульсам. В процессе создания постановки режиссер использует сценарий, однако спектакль создается без опоры на него.

Х.-Т. Леман также указывает на возможность прерывания линии сюжета в случае постдраматического театра, что можно найти в постановках О Тхэсока, отличающихся фрагментарностью сюжета и недосказанностью.

Режиссер активно использует прием прерывания сюжета и заполняет лакуны повествования корейскими традиционными театрализованными практиками (танец в масках тхальчхум и народная опера пхансори), сопровождаемыми музыкальным аккомпанементом корейских народных инструментов. Музыкализация театрального действия, по Леману, также является отличительной чертой постдраматического театра.

О Тхэсок активно интегрирует в свои постановки элементы корейского кукольного театра ккоктугык: актеры используют пластику марионеток для создания ощущения нереальности происходящего у зрителя, а также для символизации определенных действий. Данный прием у Лемана соответствует пост-антропоцентризму.

Все вышеперечисленное может служить доказательством того, что в творчестве корейского режиссера О Тхэсока содержится достаточное количество элементов постдраматизма, и это позволяет говорить о принадлежности его постановок к постдраматическому полюсу современного театра.

Научные руководители — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек,
канд. ист. наук А. С. Шмакова

Молодежные субкультуры в Южной Корее

А. А. Жигульская

Новосибирский государственный университет

В настоящее время в Республике Корея большое количество представителей молодежи относят себя к какой-либо субкультуре. Субкультура — это совокупность ценностей, взглядов, убеждений отличных от общепринятых и отделяющих группу людей, объединенных данными ценностями от большинства. Субкультура также может характеризоваться верованием людей в потусторонние силы или в независимо существующее киберпространство, а также отличным от большинства внешним видом.

В результате постоянного стресса на фоне необходимости успешно учиться и давления со стороны родителей корейцы часто решают примкнуть к молодёжным группировкам для борьбы с эмоциональным давлением.

Одной из самых известных корейских субкультур можно назвать субкультуру кей-поп. *Кей-поп* — это жанр музыки, возникший в Южной Корее, представлявший собой смесь электронной и поп-музыки, а также их танцевального направления. Множество корейских поп-групп дебютируют каждый год, тем самым оправдывая потребность общества в данном музыкальном жанре. Стоит отметить, что субкультура кей-поп за достаточно короткое время своего существования успела приобрести большую популярность по всему миру.

Среди наиболее популярных субкультур также нужно отметить субкультуру *Ольджан* (кор. «лучшее лицо»), которая появилась в 2010-х гг. и захватила в большей степени молодых людей в возрасте от 16–25 лет.

Данная субкультура представляет собой сообщество парней и девушек, имеющих уникальную для корейцев привлекательную внешность. Чаще всего ольджаны ведут свои собственные блоги, куда выкладывают фотографии, видео собственной жизни, а иногда и дают советы, как стать ольджаном. Данная субкультура в последнее время стала ассоциироваться у общества с достаточно высоким спросом у молодых людей на пластическую хирургию.

Движение *твэнджаннэ*, *твэнджаннам* появилось в 2007 г. Молодые парни и девушки стремятся выставить свое материальное положение на всеобщее обозрение через дорогие покупки, посещение соответствующих заведений.

Крупным молодежным течением в наши дни в Корее является клубная субкультура. Ее можно разделить на две подкультуры: *клуберс* и *найтклуберс*.

Первая подкультура представляет собой молодежь, любящую проводить время в клубах, танцевать и слушать музыку. Вторая группа имеет значительные различия с первой. Мужчина бронирует комнату в ночном клубе, куда впоследствии работники клуба приглашают девушек, желающих интересно провести время. Молодые люди знакомятся, общаются и иногда поют в караоке в таких комнатах.

Приведенные выше субкультуры являются наиболее распространенными среди молодежи в наши дни. Существует большое количество других субкультур, но они не так популярны у корейских подростков. Параллельно с существованием устоявшихся субкультур происходит и формирование совершенно новых, так как корейское общество постоянно находится в развитии.

Научный руководитель — канд. ист. наук А. С. Шмакова

Бытовой национализм японцев в XXI веке

А. М. Ильина

Новосибирский государственный университет

В наши дни Япония стала привлекать внимание все большего количества иностранцев, что связано с участием страны в мировой торговле, активной политикой государства, направленной на привлечение иностранной рабочей силы. Процесс глобализации, который начался в Японии во второй половине XX в., также способствует культурному и экономическому обмену между странами и, следовательно, трудовыми ресурсами. В связи с этим в сети Интернет и телепередачах часто поднимается вопрос о националистических тенденциях, свойственных японскому обществу.

Современное японское общество принято считать моноэтничным. Еще с давних пор японцы, обособленные от остального мира, привыкли разделять мир на «ути» («свой») и «сото» («чужой»). Именно этими понятиями можно охарактеризовать отношение современного японца к иностранцу. Сознание национального единства, чувство превосходства над другими нациями являются своего рода пережитком тех времен, когда Япония еще была закрытой страной. Однако традиции и привычки, как бы сильны они ни были, не могут существовать без поддержки со стороны современного общества. Именно такую поддержку оказывают в современном обществе японские националисты.

Национализм в современной Японии представляет собой сочетание национализма этнического и гражданского. Это симбиоз идеологической кампании, проводимой государством, и культуры нации, основанной на едином историческом прошлом. Поддержание националистических идей в обществе осуществляется различными способами, среди которых можно назвать действия со стороны политических организаций, правых националистических групп, а также издание печатной продукции (манга, мукку), создающей предвзятое представление по отношению к иностранцам.

Тема бытового национализма очень актуальна в наше время в связи с Олимпийскими играми 2020 г. в Токио, поэтому правительство Японии пытается контролировать вспышки национализма. Политика правительства, а также процесс всемирной глобализации играют важную роль в смягчении националистических тенденций, однако бытовой национализм продолжает существовать, поэтому данный вопрос требует дальнейшего изучения.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент Е. Л. Фролова

**Токийский национальный музей
и его роль в развитии музейного дела в Японии**

А. М. Ильина

Новосибирский государственный университет

Работа посвящена истории формирования экспозиций Токийского национального музея (東京国立博物館 То:кё: кокуруцухакубуцукан), крупнейшего музея Японии, созданного в мае 1872 г., и анализу его деятельности в контексте глобальных задач по сохранению культурного наследия [1]. На протяжении 150 лет с момента основания музея здесь постоянно проводились организационно-административные реформы, отражающие политический курс каждой эпохи, в связи с чем анализ деятельности музея и истории его экспонатов приобретает большое значение в контексте развития музейного дела в Японии.

Основу музея составляют пять зданий, построенных в XX в.: Главное, Восточное, Центральное, корпус Хэйсэй и комплекс Сокровищ храмов Хорюдзи. Кроме того, на территории музея имеется парк и чайные домики. Современная просветительская деятельность музея направлена на популяризацию искусства и культуры стран Азии и Европы, что обеспечивает ему почетное место в списке ста лучших музеев мира [2].

В настоящее время Национальный музей является одной из ярких достопримечательностей Токио, чему способствует не только активная социальная и просветительская политика музея, но и эффективное распространение информации о его деятельности в средствах массовой информации, участие в зарубежных выставках.

Исследование многосторонней просветительской и образовательной деятельности Токийского национального музея, его контактов с общественностью разных стран продиктовано необходимостью изучения методов сохранения и популяризации культурного наследия Японии в условиях глобализации, когда происходит постоянное смещение культурных ориентиров.

---

1. Frequently asked questions about the Tokyo National Museum // Офф. сайт Токийского национального музея. URL: http://www.tnm.jp/modules/r_free_page/index.php?id=156&lang=en (дата обращения 07.02.2018).

2. Рейтинг музеев мира // The Art newspaper Russia, вып. № 53, 2017. URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/4528/> (дата обращения 07.02.2018).

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Современные интерпретации трактата «Гуйгу-цзы»

Д. Э. Кандакова

Новосибирский государственный университет

Одним из древнекитайских теоретиков дипломатии периода *Чжаньго* (453–221 гг. до н. э.) династии Восточной Чжоу является Гуйгу-цзы (鬼谷子) — основатель школы политической философии (纵横家 цзунхэн-цзя) (букв. «школа продольно-вертикальных и поперечно-горизонтальных [политич. связей]»), которая традиционно датируется IV в. до н. э. Трактат «Гуйгу-цзы», названный в честь основателя, является не только основополагающим учением «школы дипломатов», но и первым трудом по дипломатическим уловкам и хитростям в истории философии Китая.

Именно в начале IV в. до н. э. при социально-политической обстановке в период *Чжаньго* (453–221 гг. до н. э.) под давлением военно-экономической необходимости в Китае появляются первые философские школы, а также формируется «социальный заказ» на людей, обладающими техниками воздействия на противников, манипулирования ими в собственных целях.

Популярность методов словесного воздействия мудреца Гуйгу-цзы на союзников или соперников в ту эпоху жестокой борьбы за власть и непрерывных усобиц была столь велика, что, многие правители царств именно в подобного рода приемах видели лучший способ укрепить свое могущество, пренебрегая законами и прочими орудиями государственной власти.

Предметной областью данной работы является история философии одного из периодов истории Китая, а именно периода *Чжаньго* (453–221) династии Восточной Чжоу. Изучение социально-политического контекста периода *Чжаньго*, когда возникли первые школы «политического убеждения», а впоследствии анализ и трактовки их постулатов позволяет нам лучше понять особенности национальной психологии и мышления китайцев, их культуры и языка.

Объектом данного исследования является текст трактата «Гуйгу-цзы», а предметом исследования являются принципы эффективного речевого дискурса в трактате «Гуйгу-цзы».

В трактате предлагается обширный набор приемов дипломатии и политических замыслов, а также советы в управлении страной и в военном деле. Одной из основных концепций трактата «Гуйгу-цзы» является концепция «открытия и закрытия» (捭闔 байхэ), основывающаяся на учении о двух противоположных началах *инь-ян*. Универсальная и постоянная изменчивость по модели «открытие» (捭 бай) — «закрывание» (闔 хэ) служит теоретическим обоснованием легистских принципов политического прагматиз-

ма. Концепция «открытия и закрытия» (捭闔 байхэ) — это предлагаемая практика манипулирования людьми на основе предварительного поощрения и раскрытия их интересов. К основным концепциям трактата также относят: приём «прощупывания» («умение разбираться в людях»), приём «использования удобного случая» с помощью оценки времени и обстоятельств, приём «гибкого мышления», приём применения «гибкой политики» и др.

В трактате «Гуйгу-цзы» также присутствует понятие «недеяния» (无为 у-вэй) — центральное понятие даосизма и традиционное для Китая представление о власти как действенном бездействии. Согласно трактату «Гуйгу-цзы», первоначальной ступенью «недеяния» является «выжидание». Его принцип заключается в необходимости выждать подходящего момента, для того чтобы не нарушить привычный порядок вещей и, таким образом, достигнуть наибольшей эффективности управления. Понятие «недеяния» (无为 у-вэй) учит ненасильственному методу борьбы, умению приспосабливаться к обстоятельствам, только тогда возможно наиболее выгодно воспользоваться ситуацией, не предпринимая конкретных действий. Таким образом, выраженные в трактате концепции в основном представляют собой синтез идей легизма и даосизма.

Анализ основных концепций трактата «Гуйгу-цзы» позволяет выработать эффективные техники коммуникации, востребованные в китайском обществе. Современные исследователи трактата в своих работах отмечают, что с начала проведения «политики реформ и открытости» в Китае возник повышенный интерес к трактатам военно-теоретической мысли древнего Китая, в том числе и к трактату «Гуйгу-цзы», со стороны политиков, дипломатов и руководителей коммерческих предприятий. На основании работ китайских исследователей Сюй Фухуна (许富宏), Чжай Цзе (翟杰), Цай Яо (蔡瑶) и др. можно прийти к выводу, что концепции, заложенные в трактате, подходят для решения современных политических, экономических и дипломатических задач, они многогранны и многофункциональны, такие методы управления остаются актуальными и по сей день.

Научный руководитель — ст. преп. Т. Г. Завьялова

**Написание сочинений по истории школы
как инструмент упрочения собственного статуса в четырёх линиях
преемственности школы Винаи в китайском буддизме в XVIII–XIX вв.**

М. Л. Лепнева

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

В Китае XVI и XVII вв. стали периодом возрождения собственно китайских школ буддизма, в числе которых была и Люй-цзун — школа Винаи, занимавшаяся вопросами монашеских обетов и монастырских ритуалов. На протяжении XVII–XVIII вв. школа пережила бурный подъём, выразившийся в формировании множества линий преемственности, контролировавших монастыри в различных районах Китая.

На определённом этапе своего развития представители школы обратились к рефлексии своих исторических истоков, в результате чего появились такие сочинения, как «Свод школы Наньшань» 7-го патриарха линии Цяньхуа, Вэньхай Фуцзюя (1685–1765), «Генеалогия светильника школы Винаи» 7-го патриарха линии Таньчжэ, Хэнши Юаньляна (1699–1765), «Свод Наньшань» 5-го патриарха линии Цзилэ, Инькэ Иньгуя (1711–1763) и «Сводная хроника патриаршей обители школы Винаи» 13-го патриарха линии Гулинь, Фужэнь Ю (годы жизни неизвестны, авторское предисловие к «Сводной хронике...» — 1905 г.).

Как можно видеть, все четыре сочинения были составлены патриархами различных линий преемственности в рамках школы Винаи на довольно зрелом этапе развития каждой из линий. По своему содержанию указанные тексты обращаются к истории школы Винаи. В данной работе ставится вопрос о том, были ли у этих текстов общие цели.

Первые два из указанных сочинений автор уже рассматривала в одной из предыдущих работ и здесь кратко приведёт полученные результаты. Оба эти сочинения — генеалогии школы Винаи, целью которых было проследить «преемство между наставниками и учениками данной школы на многие поколения в прошлое вплоть до самого исторического Будды, что служило подтверждением аутентичности и, соответственно, легитимности школы».

Третий из перечисленных текстов («Свод Наньшань») до нас не дошёл, однако в жизнеописании его составителя Инькэ Иньгуя (которое приводится в обеих вышеназванных генеалогиях) чётко указывается, что он «в “Своде Наньшань” детально изложил линию патриархов [монастыря] Цзилэ[-ань] и множества держателей [линии преемственности] в Дхарме, отделившихся [в другие монастыри] и обращавших [на путь буддизма там], чтобы расширить славу о них». Таким образом, это, по всей видимости, также была гене-

алогия. Общий контекст деятельности Инькэ Иньгуя говорит о том, что он, как и авторы двух вышеуказанных генеалогий, стремился к восстановлению свидетельств истории собственной линии преемственности и, вероятно, за счёт этого — к её легитимизации (в частности, он осуществил строительство ступ трёх своих предшественников на посту настоятеля монастыря Цзилэ-ань).

Наконец, четвёртый текст («Сводная хроника патриаршей обители школы Винаи») хронологически отстоит от трёх рассмотренных выше на целый век и отличается по жанру: если первые три текста составлены во второй-третьей четверти XVIII в., то данный текст относится к концу XIX в.; первые три являются генеалогиями, тогда как этот — историческое изыскание в отношении первопатриарха возрожденной школы Винаи, Гусинь Жусиня (1541–1615).

Однако по своей сущности текст Фужэнь Ю находится в том же ряду попыток обосновать легитимность своей линии преемственности за счёт обращения к истории школы. Своеобразие же избранной Фужэнь Ю тактики было обусловлено тем, что он принадлежал к линии Гулинь, называвшейся так по монастырю Гулинь-ань. Фужэнь Ю показывает, что именно монастырь Гулинь-ань был главным местом деятельности первопатриарха Гусинь Жусиня и тем самым критикует авторов генеалогий XVIII в. за то, что они в своих сочинениях умалчивали об этом, связывая первопатриарха с другим монастырём — Тяньлун-сы.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент Л. Л. Ветлужская

**Объекты садово-паркового искусства
как часть замковых комплексов периода Адзуты-Момояма**

А. О. Минченко

Новосибирский государственный университет

За многовековую историю японского государства сформировалась многогранная культура, важное место в которой занимает замковая архитектура. В Японии замок — это градообразующий элемент, символизирующий силу правителя. Замки отличались от жилых домов и храмов не только своими размерами, но и прочностью строительных материалов, рассчитанных на века.

Не менее важным элементом культуры Страны Восходящего Солнца являются знаменитые японские сады, сущность которых пронизана утонченным эстетизмом, таинственным очарованием и природной гармонией.

Период Адзуты–Момояма (1573–1600), несмотря на небольшие хронологические рамки, стал поворотным этапом в истории японской культуры. Эта эпоха является моментом наивысшего расцвета садового искусства, с одной стороны, и замковой архитектуры, с другой.

В связи с широким распространением замковых комплексов, а также популярностью садового искусства среди военной элиты для нас является актуальным рассмотрение роли японского сада как элемента духовной культуры на территории стратегического сооружения.

Важными факторами, повлиявшими на ход эволюции садового искусства в период феодализма, необходимо считать политический и религиозный аспекты. Усиление роли военного сословия на политической арене страны и распространение культуры дзэн-буддизма оказали обоюдное влияние на развитие садового искусства.

К середине XVI в. культура садов вышла за пределы храмов и монастырей и распространилась по всей Японии, достигнув ее самых отдаленных уголков. Как и в период Муромати, сад сохранил свой символизм элитарного объекта. Даймё стремились возводить прекрасные сады и парки на территории новых резиденций и замков, однако, по сравнению с высокой духовностью символических дзэнских садов XIV–XV вв., их внутренний смысл и функции претерпели некоторые изменения. Первостепенной функцией сада стало декоративное сопровождение архитектуры. Садовый ландшафт осуществлял связь замка с естественной средой, создавая динамичную живописную композицию.

Сад размещали на территории резиденции *даймё*, во внутреннем дворе *хонмару*. Из-за плотного расположения построек сады зачастую были изо-

лированными. В эпоху Адзуты–Момояма архитектурный стиль *сёин-дзукурри* получил широкое распространение в резиденциях правящей элиты. Сад, входивший в ансамбль в стиле *сёин-дзукурри*, сократился в размерах, однако его пейзажная композиция стремилась к лаконичному и свободному внутреннему пространству, что позволяло не только гулять по саду, но и создавать различные ландшафтные композиции, которые можно было наблюдать с разных углов обзора.

Основным видом садов на территории замковых комплексов был сухой сад (*枯山水 карэсансуй*), особенностью которых являлось широкое использование элементов из минералов, ограниченное количество растений и полное отсутствие водоемов. Сад такого типа служил местом для созерцания и медитации, он создавал атмосферу ясности сознания и отрешенности. В сухих садах феодалы отречались от мирской суеты, наблюдая за безмятежностью пейзажной композиции.

Значительное влияние на развитие японского садово-паркового искусства периода Адзуты–Момояма оказала чайная церемония. С распространением чайного ритуала в усадьбах феодалов стали появляться чайные сады (*露地 родзи*). Однако если до этого сад такого типа являлся воплощением спокойного, просветленного пространства, то в рассматриваемый период чайные сады во многом приобрели развлекательный характер, в них *даймё* приглашали высокопоставленных гостей, проводили светские беседы, устраивали чайные церемонии.

Помимо японских садов в пределах замковых комплексов присутствовали также озелененные зоны, которые располагались на территории соединенных между собой дворов замка. Уровень озеленения напрямую зависел от места расположения замка. Например, при строительстве горных замков (*山城 ямадзиро*) *даймё* старались сохранить естественный ландшафт местности, поэтому территория *ямадзиро* зачастую была заполнена лесом.

Иногда территория замка засаживалась искусственно. Зачастую рвы, заполненные водой, окружали большим количеством деревьев, что создавало впечатление парковой композиции. Однако данные меры принимались, в первую очередь, в целях усиления линий обороны замка. Хотя деревья и выполняли эстетическую функцию, они еще и защищали войска от стрел и пуль.

В период расцвета феодальной культуры сад не только разнообразил элегантную, но сдержанную архитектурную среду замков, но и стал важной частью усадеб *даймё* и превратился в связующее звено между фортификационным сооружением и элементом духовной культуры. Таким образом, садовое искусство привнесло элементы духовности и эстетичности в сооружение, которое изначально использовалось исключительно в оборонительных целях.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Е. Е. Малинина

Образ Японии в средствах массовой информации Республики Корея

К. А. Овчинникова
Новосибирский государственный университет

В современном мире влияние средств массовой информации на международную политику и жизнь общества неоспоримо. Средства массовой информации и сеть Интернет формируют в нашем сознании представление о мире. С тех пор как Республика Корея начала вести активную внешнеполитическую деятельность и бороться за почетное место на международной арене, образ многих стран в сознании корейцев претерпел значительные изменения, и наиболее явно эта тенденция отразилась на образе Японии, что мы можем проследить на примере материалов массмедиа.

В настоящий момент в корейских СМИ показан достаточно неоднозначный образ Японии, и один из самых популярных — образ японского политика-лжеца. Порицается японская политическая элита, особенно критикуется деятельность премьер-министра Синдзо Абэ и его партии, который своими действиями демонстрирует общественности нежелание сблизиться с РК и тем более приносить извинения за преступления прошлого, которые так жаждут услышать корейцы. Причины этого необходимо видеть в истории взаимоотношений этих стран в конце XIX — первой половине XX в. Это период сильнейшей антипатии между странами, период колониальной зависимости и борьбы против японской оккупации [1, с. 40].

Негативный образ, диктуемый СМИ, подкрепляет сформированный ранее образ Японии-врага. В каждой статье о территориальном споре вокруг острова Токдо подчеркивается незаконность и необоснованность притязаний на остров. Также остро обсуждается такое историческое явление, как «женщины для утешения». Оно подразумевает под собой использование корейских женщин для удовлетворения потребностей японских военных в период оккупации.

В то же время в других новостных сводках деятельность японских политиков имеет положительный характер. Примером этого является деятельность Таро Ямомото, который известен борьбой за антиядерное движение и налаживание отношений с РК. Также Япония имеет положительный образ страны-соседа. Этот образ обычно не привязан к политике, а связан с туризмом и культурой.

В последнее время Япония выступает в роли потенциального союзника, в случае военного конфликта РК с КНДР или другими странами.

Образ Японии как врага базируется на негативной исторической памяти народа о том времени, когда Япония на самом деле была угрозой для Кореи.

Однако в работах, в которых идёт речь о современной Японии, больше нет прежней агрессии и ненависти к соседнему государству. Нельзя отрицать существование спорных вопросов между государствами, но японцы больше не являются врагами или соперниками и все чаще выступают в качестве партнеров, коллег. Современное поколение больше не воспринимает Японию враждебно, образ соседа в целом положителен. Корейцы считают, что японцы очень интеллигентные и добропорядочные граждане. Многие корейцы заинтересованы в туристических поездках и культурном обмене между странами.

Средства массовой информации Республики Корея в основном транслируют негативный образ Японии, заостряя внимание на событиях прошлого. Но в последнее время данный образ претерпевает изменения. Трансформация образа в СМИ связана с изменением имиджа Японии в сознании современных корейцев. Мы наблюдаем положительную тенденцию к трансформации образа Японии в современном южнокорейском обществе.

---

1. *Гринюк В. А.* Проблемы отношений Японии с государствами Корейского полуострова // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 2. С. 35–47.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент С. В. Алкин

Жизнь и научно-практическое наследие минского философа Люй Куня

А. С. Петрова

Новосибирский государственный университет

Люй Кунь (24.10.1536–24.07.1618 гг.) — китайский мыслитель, чиновник и идеолог эпохи поздняя Мин. Является одним из «24 конфуцианцев» древнего Китая, а также, вместе с Шэнь Ли и Го Чжэнюем, известен как один из «трех великих мудрецов» Поднебесной династии Мин.

Самая известная работа философа — трактат «Шэнь Инь Юй» («Стенания»), завершенный в 21 г. Ваньли (1593 г.). Другие знаменитые работы: «Шичжэн Люй» («О реальной политической власти»), «Е'ци Мин» («Ода ночной прохладе»), «Лансинь Ши» («Стихи чести»).

Сочинения мыслителя затрагивают огромное количество разнообразных тем и явлений, философских аспектов: политики, экономики, уголовного права, военной техники, ирригации полей и городов, обучения, мастерства стихосложения, медицины и почти всех возможных и вообразимых областей человеческой мысли. Большое количество философских работ Люй Куня посвящено вопросам этики и метафизики. Философ рассуждает о природе чести, достоинства, нравственной составляющей истинно благородного человека, а также задается вопросами сущности вселенной, человеческой души, её светлых и тёмных качеств.

Восхождение по карьерной лестнице Люй Кунь начал в довольно молодом возрасте. В десятилетие под девизом «Чудесное умиротворение» (девиз правления императора Минской династии Чжу Хоуцзуна, 1561 г.), Люй Кунь был третьим среди сдавших провинциальные экзамены в Хэнани, на тот момент ему было 25 лет. Во второй год Ваньли («бесчисленные годы» — девиз правления Шэнь Цзуна, 1573 — 1619) он был одним из трех людей, первыми выдержавших дворцовые экзамены и получивших ученую степень доктора второго разряда. Люй Кунь вступил в должность начальника уезда Сянюань (провинция Шаньси), далее служил начальником других уездов, помощником министра, эмиссаром юстиции, комиссаром по гражданским и финансовым делам. В 1597 году Люй Кунь составил обращение к императору с целью призвать его бросить все силы на восстановление былого величия династии и укрепить государственную власть, отказавшись от разврата и пустых растрат государственной казны. Однако его порывы были проигнорированы дворцом. Возмущенный дворцовыми тайнами и интригами, недовольный заговорами, страдающий от пороков власти и ложных доносов, Люй Кунь заболел и отправился на покой. Скончался Люй Кунь у себя дома,

перед этим уничтожив в огне все свои неизданные рукописи. Был похоронен на юго-востоке уезда Нинлин.

В своих философских работах Люй Кунь твердо придерживается идеи, согласно которой единым началом и субстанцией является Ци. Философ полагал, что человек не способен к обучению без понимания двух вещей: как в нашем мире формируются образы и что их формирует. Будучи конфуцианцем, Люй Кунь не придерживался неоконфуцианских взглядов и критиковал многие положения неоконфуцианства.

Люй Кунь противостоял концепции двух равновесий (духовное и материальное начало) философа Чжу Си, считал неоконфуцианство поверхностным учением. Он надеялся, что философский путь в Китае преодолет буддизм, даосизм, легизм и вернется к доциньскому конфуцианству. Люй Кунь писал: «Каждый должен быть твердо уверен в том, что “я — это я”, так каждый человек в полной мере раскроет для себя конфуцианство».

Научный руководитель — Т. Г. Завьялова

Образы «Культурной революции» в кинотворчестве Чжан Имоу

И. А. Покутнева

Новосибирский государственный университет

«Культурная революция» (далее КР) является особым периодом в истории КНР, в киноискусстве она служит специфическим источником сюжетов, привлекая внимание и интерес уже нескольких поколений кинодеятелей. К ним можно отнести Чжан Имоу (张艺谋), который чаще, чем другие режиссёры, обращался к теме КР.

Чжан Имоу принадлежит к режиссерам «пятого поколения» кино. Так были названы кинодеятели пятого выпуска Пекинской киноакадемии 1982 г. — первого выпуска со времени окончания КР. В 1966 г. Чжан Имоу был пятнадцатилетним подростком, исключенным из школы и отправленным на трудовое перевоспитание в сельскую местность. К окончанию КР и открытию Пекинской киноакадемии Чжан Имоу исполнилось 27 лет, и поступить в учебное заведение ему удалось только после личного обращения в Министерство культуры КНР. Все трудности и лишения, вызванные КР, наложили отпечаток на его кинотворчество [1].

Первый фильм, снятый режиссером на тему КР, — «Жить» («活着»), реж. Чжан Имоу, 1994 г.) стал экранизацией одноименного романа китайского писателя Юй Хуа. Кинолента, в красках обличающая китайский социалистический режим, сразу привлекла к себе внимание на Западе, где состоялась её премьера [2].

Чжан Имоу усилил сюжет романа социально-политическими акцентами, хроника повествования ушла на второй план. Режиссер показал судьбу «маленького человека», жизнь которого трагично менялась на протяжении четырех десятилетий, в том числе и в период КР. Одним из символов КР в фильме является красный цвет. Алые ленты на портретах Учителя Мао, гибель одного из героев от кровоизлияния намекают на кровавую КР, принесшую множество бед китайскому народу.

Главные герои преодолевают противоречия, трудности и беды, плачут и смеются, поскольку главная цель — жить вопреки окружающим обстоятельствам. Фильм получился масштабным, продолжительным, душевным и драматичным. Чжан Имоу стремился найти отклик в сердцах соотечественников, но в то же время был с ними жесток: он заставлял их принять и полюбить героев, гибель которых в итоге приносит зрителям острую горечь потери.

Фильм был признан политизированным, в связи с чем данная киноработа была запрещена к показу на территории КНР, а режиссер получил запрет снимать кинофильмы в течение двух лет [2].

После «санкций» со стороны Государственного управления радиовещания, кинематографии и телевидения Чжан Имоу на некоторое время отходит от темы КР, пробуя себя в новых жанрах.

Проходит почти два десятилетия, прежде чем режиссер возвращается к теме КР в кинофильме «Любовь под ветвями боярышника» («山楂树之恋», реж. Чжан Имоу, 2010 г.) Автор, достигший успеха и популярности, ставший главным постановщиком Летних Олимпийских игр в Пекине, уже пересмотрел точку зрения на события КР, в которых теперь видит суровую «школу жизни», приведшую его к славе.

Кинолента «Любовь под ветвями боярышника» получилась у режиссера романтической и легкой. На первый план выходит любовь двух молодых людей, которые только повзрослели и ещё не успели понять опасность перемен. События же КР отходят на второй план. Чжан Имоу показывает трогательную и красивую историю первой любви, которой, к сожалению, не суждено закончиться счастливо: молодой человек умирает на руках возлюбленной. Однако его смерть ни в коем случае не связана с КР: юноша умирает от онкологического заболевания.

Через несколько лет режиссер вновь обращается к теме КР в киноработе «Возвращение домой» («归来», реж. Чжан Имоу, 2014 г.). Перед зрителем вновь открывается сентиментальная история любви, но уже наполненная большим психологизмом и трагичностью по сравнению с предыдущим фильмом. Это — история, пропитанная болью, слезами и женским одиночеством. Жена, долгая время ждавшая мужа, не узнает его и продолжает ждать, в то время как дочь конфликтует с отцом. Чжан Имоу в этом фильме делает акцент на бездуховные последствия КР, которая разрушила множество семей и сломала множество жизней.

Таким образом, Чжан Имоу трижды обращался к теме КР в различные периоды жизни, наделив каждую из кинолент особенными чертами. Критика социалистического режима кинофильма «Жить» исчезла в последующих двух киноработах, которые демонстрируют красивые любовные истории. Главное, что объединяет эти три киноленты, — их высокий уровень, отличная актерская игра, режиссёрская и операторская работа, талант Чжан Имоу, который сумел реалистично воссоздать события КР.

---

1. *Торопцев С. А.* Новое кино для нового человека // Отечественные записки. № 3. 2008. С. 283–295.

2. *Zhu Y., Rosen S.* China on Film: A Century of Exploration, Confrontation, and Controversy Art, Politics, and Commerce in Chinese Cinema. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2010. 308 p.

**Специфика коллекции
национального художественного музея Китая в Пекине**

А. С. Румянцева
Новосибирский государственный университет

Национальный художественный музей Китая (中国美术馆 чжунго мэи-шу гуань), основанный в 1958 г., является одной из крупнейших картинных галерей на материковом Китае. Главной целью деятельности музея является сбор, исследование и экспонирование произведений китайского современного искусства.

Большую поддержку для развития музея обеспечивает центральное правительство Китая и Министерство культуры. С этой целью в 1950-х гг. был создан фонд, который заложил основу для создания музейной коллекции. Множество коллекционеров, художников и их семей пожертвовали произведения искусства из соображений социальной ответственности [1].

В музее хранится более 110 тыс. различных предметов искусства, большинство из которых является репрезентативными произведениями китайских мастеров разных эпох с древности по сегодняшний день. Вся коллекция музея делится на две большие группы: изобразительное и народное искусство. Раздел изобразительного искусства включает в себя традиционную живопись гохуа, масляную живопись, гравюру, скульптуру, эскизы, фотографии, акварельные, гуашевые и пастельные рисунки, карикатуру, иллюстрацию, лаковую роспись, каллиграфию и печати, современные лубки няньхуа, серии картин-комиксов ляньюаньхуа, инсталляции и синтетическое искусство. Народное искусство, представленное в музее, включает следующие подразделы: воздушные змеи, керамика, вышивка, красильное дело, ткани, игрушки, вырезки из бумаги цзяньчжи, театр теней, маски, деревянные театральные куклы и традиционные новогодние лубки няньхуа.

С момента создания музея в его стенах прошли тысячи различных авторитетных выставок: от общенациональных, отражающих развитие и процветание китайского искусства, до влиятельных международных, которые обеспечивают солидную платформу для обмена в области художественной деятельности между Китаем и другими странами.

---

1. History // Официальный сайт национального художественного музея Китая. URL: <http://www.namoc.org/en/about/history/> (дата обращения: 17.02.2018).

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Речевые клише в бытовом диалоге японского языка

К. Д. Сиянова

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Айсацу (яп. 挨拶) — клишированные выражения приветствия, прощания, благодарности и других базовых бытовых коммуникаций в японском языке. Особенность айсацу заключается в зафиксированной словесной форме, принадлежащей к определенной ситуации.

Актуальность исследования во многом определяется ролью речевых клише в японском языке как способа отражения особенностей культуры. Целью настоящего исследования является изучение речевых клише, их категорий и функций в японском бытовом диалоге.

Японские айсацу отличаются от произвольных европейских приветствий и представляют собой культурную составляющую коммуникации японцев. Пренебрежение использования айсацу считается незнанием законов социального общения.

Опираясь на классификацию Таро Наканиси, с помощью метода сплошной выборки нами было получено 55 речевых клише «айсацу» из пяти японских фильмов и дорам жанра «повседневность», так как они отражают современный бытовой японский язык.

В результате анализа было выявлено, что наибольшее количество речевых клише наблюдается в категориях «благодарности» и «извинения», тогда как наименьшее — «сфера услуг».

Полученный результат объясняется культурной особенностью японцев в необходимости регулярно оказывать свою признательность за оказанную им доброту и сожаление за свою малейшую оплошность. Айсацу сферы услуг относятся к тем клише, которые используются продавцами по отношению к покупателям без продолжения дальнейшего диалога, что не способствует появлению новых речевых клише в этой сфере.

Например, *いらっしやいませ* [ирассяимасэ] — Добро пожаловать!

Помимо этого, одно и то же айсацу может выполнять разные функции, в зависимости от контекста. Для определения типа айсацу следует, прежде всего, учитывать интонацию и коммуникативную ситуацию, которыми оно сопровождается.

Например, айсацу *すみません* [сумимасэн] может выступать в роли привлечения внимания «позвольте Вас отвлечь», извинения «прошу прощения» и благодарности «спасибо, что сделали это за меня».

*すみません、ふじかわさん、だましたりして。あんのこと裏切りし
まって、本当に申し訳ございませんでした。* [Сумимасэн, Фудзикава-сан,

дамаситариситэ. Анно кото урагирисиматтэ, хонтони мо:сивакэгодзай-масэндэсита] — Простите, Фудзикава, что обманула Вас и предала Ваше доверие.

В данном примере представлены две формы использования айсацу すみません [сумимасэн]. В первом высказывании оно выступает в роли привлечения внимания собеседника, в то время как в последующих случаях иллюкутивное намерение говорящего подразумевает именно извинение.

Также в ходе исследования было выявлено, что айсацу различаются по степени вежливости, например, существуют очень формальные айсацу для официальных мероприятий. В определенных коммуникативных ситуациях диалог может состоять только из речевых клише, выполняя функцию ритуала или выражения вежливости.

Таким образом, проанализировав речевые клише в японском языке, можно сделать вывод, что айсацу являются неотъемлемой частью японского языка и отражением японской культуры.

Научный руководитель — А. В. Козачина

Исторический Музей Эдо-Токио в системе просветительских музеев Японии

Е. Б. Смолкина

Новосибирский государственный университет

Первые музейные учреждения в Японии появились под влиянием проникновения в страну западной культуры в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Европейские музеи часто берут свое начало в дворцовых галереях и частных коллекциях, которые спустя некоторое время становились достоянием обществу. Многие музеи в настоящее время помимо экспозиционной ведут также научно-исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность. Так, Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге в рамках проекта «Русские сезоны» в 2017–2018 гг. размещает в музеях Японии уже третью выставку из своих коллекций.

Однако в Японии, напротив, первыми появились просветительские музеи, обладавшие образовательными функциями, и только почти 50 лет спустя — художественные. В понятие «музей» (博物館 *хакубуцукан*) в Японии входят зоопарки, океанариумы и планетарии, экспозиции которых носят скорее познавательный, чем эстетический характер. Как один из примеров научно-просветительских музеев в данной работе рассматривается Музей Эдо-Токио (江戸東京博物館 *Эдо-То:кё: хакубуцукан*), посвященный истории столицы Японии Токио.

Музей был открыт в марте 1993 г. Постоянная экспозиция предлагает посетителям знакомство с 400-летней историей Эдо с момента, когда сёгун Токугава Иэясу провозгласил его столицей. На первом этаже музея пять-шесть раз в год организуются специальные выставки. Музей занимается проведением лекций и семинаров по истории отдельных районов города, архитектуре, гравюре *укиё-э* и многим другим темам.

Политика музея основана на совмещении эстетического идеала *粹 ики* («элегантность»), сформированного в период Эдо, с принципом *賑わい ниぎわい* («оживление»), который заключается в активной деятельности музея, привлекающего большое количество посетителей. Секции музея делятся на две части: зону Эдо, посвященную периоду с начала XVII в. до реставрации Мэйдзи, и зону Токио, демонстрирующую развитие столицы со второй половины XIX в. вплоть до настоящего времени.

Изучение деятельности японских музеев позволит не только расширить знания о восточной культуре, но и творчески переработать опыт японской музейной политики в российской музеологии.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Специфика концепта «лицо» в китайской картине мира

А. М. Чернова

Новосибирский государственный университет

Концепт — базовая составляющая часть культуры, определяющая поведение и мышление людей и прочно закрепленная в сознании народа.

«Концепт — это всегда знание, структурированное во фрейм, это означает, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности. Из этого следует, что концепт должен получить культурно-национальную «прописку» [1].

Концепт «лицо» выступает одним из основных элементов концептосферы китайского языка.

Происхождение данного концепта объясняется историческими причинами. С древних времен в Китае отвергались идеи индивидуализма и преобладали идеи социальной и семейной иерархии. Каждый человек был вовлечен в обширную сеть личных связей и пользовался «социальным доверием». Человек, «потерявший лицо», был лишен доверия, и это означало угрозу успешному функционированию в социуме.

Концепт «лицо» имеет широкое отражение в языке, мы можем наблюдать его частое употребление в таком пласте лексики, как чэньюй, где он фразеологизируется в идиомах четырех категорий: 1) «сохранение своего лица»; 2) «усиление чужого лица»; 3) «неудачная попытка сохранить лицо»; 4) «потеря лица другими людьми».

Например, 人要脸, 树要皮 *rén yào liǎn, shù yào pí* — «лицо так же важно для человека, как кора для дерева». В китайском языке есть два слова, обозначающие «лицо»: 面 *miàn* или 面子 *miànzi* — как социальная репутация, и 脸 *liǎn* — как часть тела, тоже с производными значениями репутации и престижа.

Понятие «лица» не является однообразным для всех слоев населения. Оно обладает совершенно разными значениями и путями его достижения для представителей разных полов, регионов, людей с разным материальным положением.

Что касается мужчин, издревле их «лицо» зависело от их успехов. Победа на государственных экзаменах, получение государственного поста являлись важнейшим показателем «лица» мужчины.

«Честный человек предпочтет смерть унижению». Этими словами руководствовались многие мужчины. Самоубийство генерала Сян Юя на реке Уцзян, возглавившего в 208 г. до н. э. — 202 г. до н. э. движение против ди-

насти Цинь, хороший тому пример. Потерпев поражение, он имел возможность вернуться домой, но ощущал стыд перед семьей. И именно смерть сохранила уважение людей к нему, сохранила его «лицо».

Говоря о женском лице, можно констатировать, что в культурной традиции Китая оно существует лишь при наличии мужчины рядом с женщиной. Только тогда она пользуется уважением в обществе.

Кроме того, женщина может обладать «лицом» только при условии соблюдения целомудрия. В Китае известно изречение 饿死事小, 失节事大 è sǐ shì xiǎo, shī jié shì dà «помереть с голоду — не беда, а потерять невинность — большое дело». Ввиду этого в истории мы наблюдаем тенденцию к пропаганде целомудрия почти во все времена. В эпохи Хань и Тан же ситуация была иной, девушки имели право на несколько браков в течение жизни, отношения имели несколько большую свободу, поэтому последующие династии называли впоследствии эти периоды «грязными и гнилыми», полагая, что это ведет к потере «лица» всего общества.

Примером отношения общества к женскому «лицу» служит произведение «Жизнеописание добродетельной женщины Кан» писателя эпохи Цинь, Фан Бао. Девушка была просватана за сына бедняка, Чжан Цзина. Незадолго до свадьбы Чжан Цзин умер, девушка, уже считая себя его женой, последовала за ним в могилу. Положение семьи Чжан в обществе преобразилось. Так девушка подарила «лицо» семье Чжан [3].

Последние годы в Китае ознаменовались огромными переменами в экономическом плане, которые продолжают по сей день менять облик страны, но менталитет не подвергнулся значительным изменениям. Важная составляющая китайской культуры «лицо» оставляет за собой ведущую роль в жизни народа.

---

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 9697.

2. Чжан Тао. Ни бэй мяньцзы банцзя лэ ма: Жэньцзи гуаньси дэ ваньцюань чжишэн сюэ [你被面子绑架了吗: 人际关系的完全制胜学. 新北: 百善书房] Каждый охвачен «лицом»: наука об абсолютной победе в межличностных отношениях. Синьбэй: Байшань шуфан, 2016. 243 с.

Научный руководитель работы — канд. ист. наук, доцент С. В. Алкин

Имплицитный отказ в бытовом диалоге японского языка

Е. А. Шпилева

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Термин «отказ» обычно ассоциируется в общественном сознании как акт неприятия интенции адресата и выражает смысл отрицательной реакции на искомые цели адресанта. Имплицитность — это свойство речевого сообщения оживлять и делать ощутимыми для сознания такие связи единиц сообщения, которые в других ситуациях находятся в латентном состоянии, а также создавать такие связи, которых ранее единицы языка не имели.

Использование имплицитного отказа главным образом направлено на построение позитивного настроения беседы и сохранения партнерских отношений между коммуникантами.

Имплицитные речевые акты отказа представлены такими тактиками, как смена темы разговора, уклончивый ответ, переубеждение, переадресация, повторы, встречного предложения, использования интеррогатива, переспроса, использования «зачем»-реплики, использования побудительного предложения, иронических высказываний, междометий.

Например, смена темы разговора представляет собой ситуации, когда коммуникант, отказывая в предложении или просьбе собеседника, демонстрирует игнорирование иницирующего высказывания и полностью меняет тему разговора. При этом ответная реплика может быть истолкована как речевой акт отказа, исходя из коммуникативной ситуации: переводя разговор на другую тему, говорящий тем самым не отвечает на поставленный вопрос, и делает это преднамеренно. Он не хочет, чтобы истинная цель его речевого поведения была раскрыта собеседником, что можно увидеть в следующем примере:

— あのう、最後の話について。。。 [Ано: сайго но ханаси ни цуитэ]

Перевод: М-м, насчет последнего разговора...

— おいしかったです。ありがとうございます。今、遅くならないように、会社に行きます。 [Оисикатта дэсу. Аригато: годзаимасу. Има осокунаранай ё: ни кайся ни икimasу]

Перевод: Было вкусно. Спасибо. А сейчас, чтобы не опоздать на работу, я выхожу.

В данном диалоге адресат совершенно очевидно игнорирует предложение девушки обсудить последний их разговор и полностью меняет тему. При этом герой хочет подчеркнуть нежелание разговаривать на затронутую тему. Следует также отметить, что реплика-реакция, репрезентирующая имплицитный отказ, не имеет формальных признаков, указывающих непосредственно на смену темы разговора.

Формулируя отказ имплицитно, говорящий как бы снимает с себя ответственность за свои слова, поскольку слушающий сам делает заключение об истинном коммуникативном намерении говорящего.

В японском языке очень много некатегоричных форм высказывания, использование которых диктуется стремлением ни в коем случае не навязать свое мнение собеседнику, дав ему возможность почувствовать подтекст высказывания и сделать свои выводы. Таким образом, можно предположить, что в японском языке распространено как и явление имплицитности в целом, так и имплицитный отказ в частности.

Целью настоящего исследования являлось изучение явления имплицитного отказа в японском бытовом диалоге.

Материалом исследования послужили японские драмы.

В результате анализа было выявлено, что наиболее часто используемыми тактиками оказались тактика уклончивого ответа и тактика использования междометий. Причина подобного заключается в том, что: во-первых, данные две тактики являются наиболее мягкими и не предполагают развитие конфликтной ситуации, как, например, могло бы быть в случае с тактиками ироничного высказывания, использования интеррогатива и другими; во-вторых, данные тактики наиболее полно отражены в японском языке наличием множества конструкций, междометий, направленных на то, чтобы сделать высказывание менее прямым, имплицитным.

Научный руководитель — А. В. Козачина

Указатель авторов

Акимова И. И.	69	Максимов Е. А.	34
Аранзаева Б. Т.	71	Мануйлова Ю. В.	36
Балашова А. А.	73	Милевский И. О.	38
Беляева А. А.	74	Минченко А. О.	90
Божедонова А. Е.	42	Овчинникова К. А.	92
Болгар М. В.	5	Осипов Г. В.	56
Болдырева Д. И.	76	Петрова А. С.	94
Бритова В. Р.	26	Покутнева И. А.	96
Головешко Д. С.	77	Посылкин И. А.	13
Гольцова А. Д.	7	Проталинская К. Н.	15
Грехов М. Г.	9	Румянцева А. С.	98
Демиткина К. А.	79	Сатанар М. Т.	57
Дубовицкая Е. В.	80	Светецкая Ю. А.	17
Жигульская А. А.	82	Сиянова К. Д.	99
Заляева П. И.	44	Смолкина Е. Б.	101
Захарова А. М.	46	Соколова В. С.	59
Зуева И. В.	28	Столбун А. В.	61
Ильина А. М.	84, 85	Трущелёва А. В.	40
Калюга А. А.	30	Ченцов А. Ю.	19
Кандакова Д. Э.	86	Чернова А. М.	102
Качесова А. С.	32	Чувичкина А. Н.	21
Киселева Е. С.	48	Шеддякова А. П.	63
Ковалев А. А.	11	Шестакова П. И.	65
Кралина В. В.	50	Шожут А. Р.	22
Лебедева Е. А.	52	Шпилевая Е. А.	104
Лепнева М. Л.	88	Якуб Е. А.	67
Логачева А. А.	54	Яниева В. А.	24

Оглавление

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Болгар М. В.	5
Гольцова А. Д.	7
Грехов М. Г.	9
Ковалев А. А.	11
Посылкин И. А.	13
Проталинская К. Н.	15
Светецкая Ю. А.	17
Ченцов А. Ю.	19
Чувичкина А. Н.	21
Шожут А. Р.	22
Яниева В. А.	24

ГЕОПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Бритова В. Р.	26
Зуева И. В.	28
Калюга А. А.	30
Качесова А. С.	32
Максимов Е. А.	34
Мануйлова Ю. В.	36
Милевский И. О.	38
Трущелёва А. В.	40

МИФОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

Божедонова А. Е.	42
Заляева П. И.	44
Захарова А. М.	46
Киселева Е. С.	48
Кралина В. В.	50
Лебедева Е. А.	52
Логачева А. А.	54
Осипов Г. В.	56

Сатанар М. Т.	57
Соколова В. С.	59
Столбун А. В.	61
Шелдякова А. П.	63
Шестакова П. И.	65
Якуб Е. А.	67

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Акимова И. И.	69
Аранзаева Б. Т.	71
Балашова А. А.	73
Беляева А. А.	74
Болдырева Д. И.	76
Головешко Д. С.	77
Демиткина К. А.	79
Дубовицкая Е. В.	80
Жигульская А. А.	82
Ильина А. М.	84
Ильина А. М.	85
Кандакова Д. Э.	86
Лепнева М. Л.	88
Минченко А. О.	90
Овчинникова К. А.	92
Петрова А. С.	94
Покутнева И. А.	96
Румянцева А. С.	98
Сиянова К. Д.	99
Смолкина Е. Б.	101
Чернова А. М.	102
Шпилевая Е. А.	104

Научное издание

МНСК-2018

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Материалы

56-й Международной научной студенческой конференции

22–27 апреля 2018 г.

Корректор *С. В. Исакова*
Верстка *А. С. Терешкиной*
Обложка *Е. В. Неклюдовой*

Подписано в печать 20.04.2018 г.
Формат 60 × 84/16. Уч.-изд. л. 6,8. Усл. печ. л. 6,3.
Тираж 100 экз. Заказ № 76.
Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

Секция
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ISBN 978-5-4437-0759-4

9 785443 707594

N* Новосибирский
государственный
университет
*НАСТОЯЩАЯ НАУКА

